

**ЭРИКА ЭДЕЛЬМАН
ДНЕВНИК [1929–1931]
(ПРОДОЛЖЕНИЕ)**

*(Публикация Ю. М. Валиевой,
перевод Н. Л. Дмитриевой)*

Аннотация: Статья содержит продолжение публикации русско-французского дневника 1929–1931 гг. репрессированной в 1937 г. Эрики Эдельман, дочери издательницы марксистской литературы М. А. Малых. Публикация дневника дается на языке оригинала (с переводом французских частей на русский язык), сопровождается комментарием.

Ключевые слова: Эдельман Э. И., дневник 1929–1931 гг., русская литература 1920-х гг., архивный материал.

Abstract: The article includes publication of the diary written in Russian and French in 1929–1931 by Erica Edel'man, a daughter of well known editor of marxist literature Maria Malykh. E. Edel'man was arested and executed in 1937. The diary is accompanied with commentary. It is published in the original languages, the French parts are translated into Russian.

Key words: Edel'man E. I., the diary of 1929–1930, Russian Literature of 1920-s, archival material.

Продолжаем публикацию¹ дневника Эрики Эдельман (4 дек. 1910, Цюрих–14 дек. 1937, Ленинград, расстреляна), дочери издательницы марксистской литературы М. А. Малых. Русско-французский девичий дневник, изъятый при ее аресте, хранился в ее следственном деле (архив Управления ФСБ Санкт-Петербурга и Ленинградской области), в 1989 г. был передан родственникам.²

¹ Письма М. А. Малых к П. Н. Ариян. Дневник Эрики Эдельман 1929–1931 гг. (Публ., подгот. текстов, вступ. статья, коммент. Ю. М. Валиевой, пер. Н. Л. Дмитриевой) // Ежегодник Рукописного отдела Пушкинского Дома на 2015 год. СПб., 2016. С. 689–748 (далее ссылки на эту публикацию: *Дневник 1929*).

² В настоящее время дневник находится в домашнем архиве М. А. Малых, предоставлен для публикации внучкой Э. Эдельман Н. Г. Беловой.

Блокнот без обложки, бумага белая с зеленым обрезом, 16 см × 14 см, 84 страницы. Записи сделаны черной перьевой ручкой, отдельные страницы – карандашом. Без пагинации.³

Хронологически дневниковые записи этой части охватывают период с конца августа 1929 г. по декабрь 1931 г., после вынужденного возвращения Эрики из Швейцарии (см. *Дневник 1929*). В них отразились события личной жизни, связанные с поездкой в Баку, к брату Борису, жизнь в Ленинграде, путешествие на Дальний Восток, рождение дочери. Строки, подчеркнутые следователем, отмечены нами в примечаниях.

Для Эрики, воспитывавшейся во франкоговорящей Швейцарии и приступившей к изучению русского языка только по приезде в Ленинград в 1925 г., ведение дневника было своего рода практикой в письменном стиле, пробой пера. Если предыдущая часть дневника (январь–июль 1929 г.) была написана на французском языке с отдельными русскими фразами, то публикуемые здесь страницы в большей степени написаны по-русски. Эрика начинала понемногу писать по-русски в апреле 1929 г., но основным языком дневниковых записей русский становится только весной 1930 г., при этом автор все еще прибегает к французскому, особенно в начальных предложениях, возможно, настраивая себя таким образом на рассказ, переходит на французский в воспоминаниях о швейцарских впечатлениях, цитируя письма. Полностью на русском языке записи ведутся с ноября 1930 г., однако все-таки это русский язык иностранки с типичными лексическими и грамматическими неправильностями, фонетическим письмом, произвольной постановкой знаков препинания. Этим обусловлен характер правки при подготовке текста к печати и особенность комментариев, отражающих возможность двойного прочтения трудных для расшифровки слов и выражений.

Дневник публикуется на языке оригинала, по современным нормам орфографии и пунктуации, но с сохранением некоторых особенностей текста рукописи (построения фразы, выбора слов и их сочетаемости). Перевод с французского приводится непосредственно в тексте, после

³ На последней странице надпись карандашом с номером дела в архиве УФСБ по СПб. и Лен. области.

Эрика Эдельман была реабилитирована в 1956 г. Из справки, выданной М. А. Малых (полное имя Эрики – Эрнестина – здесь ошибочно указано как отчество): «Постановлением Президиума Ленинградского городского суда от 10 мая 1956 г. Постановление Особой Тройки УНКВД по Ленингр. области от 10 дек. 1937 г. в отношении Эдельман Эрики Эрнестовны Иосифовны отменено и дело прекращено за недоказанностью вины. Гр. Эдельман Эрика Эрнестовна (Эрнестина) Иосифовна считается реабилитированной. Председатель Ленгорсуда (Еременко)» (Архив УФСБ по СПб. и Лен. области. П-19700. Л. 83). Дочь Эрики, Т. А. Пострелову, познакомили со следственным делом в 1996 г.

соответствующей записи. Перевод отдельных французских вставок дается в тексте в квадратных скобках. Место и дата написания дневниковых записей указываются единообразно, независимо от того, в какой форме (словами или цифрами) они были даны в оригинале.

Внесенная нами правка и конъектуры отмечены в тексте угловыми скобками. Во французских частях дневника предположение редактора о правильном варианте слова (грамматической формы) дается в квадратных скобках.

Перевод французского текста выполнен Н. Л. Дмитриевой, редактирование французского перевода – И. В. Потаповой.

Эрика Эдельман. Дневник [1929–1931]
(Продолжение)

Bakou, le 21 août 1929

J'ai vu mon frère aîné Boris¹ après 14 ans de séparation. Depuis toute petite<,> je savais vaguement que j'avais encore un frère aîné [aîné] en Russie<,> mais en 1918 il avait disparu<.> J'espérais toujours de le revoir, d'avoir un frère aîné [aîné] et lorsque l'on me racontait ou que je lisais l'histoire d'une famille et que l'aîné [aîné] était un garçon<,> je fremissais [frémisais]. Moi aussi j'en avais un. Ma mère le croyait mort<.> Moi<,> je sentais et mon pressentiment ne m'a pas trompé<e> qu'il vivait à quelque part<.> Souvent la pensée me venait : «Il vit, il souffre peut-être ou plus tôt [plutôt] sûrement [sûrement]. Je pense à lui<,> je l'aime<,> je le désire mais lui aura-t-il oublié qu'il a une soeur<?> <» Et surtout il m'a quitté<e> j'avais 3 ans<,> les souvenirs d'enfances [enfance] ne s'effacent pas. Il doit penser et me regretter. Alors pourquoi ne vient-il pas à la maison. Et maintenant il est ici près de moi couché sur le lit. Il y a une semaine que je suis là. Il s'est passé des choses très drôles en moi. Je l'aimais<,> pour moi mon frère c'était presque un dieu<,> j'étais heureuse<,> je pensais<,> maintenant je suis seule<,> infiniment seule. Souvent je suis déprimée<,> je souffre de ma solitude<,> j'aimerais me confier<,> avoir confiance en quelqu'un<,> mais j'espérais :> bientôt je verrai mon frère<,> lui me comprendra<,> il m'aimera<,> il a souffert et peut-être je l'écouterai<.> Lorsque j'étais dans le train de Leningrad à Bakou<,> je sentais comme mon coeur battait seulement par la pensée dans 3 jours je le verrai. Dans le train j'ai fait la connaissance d'un jeune étudiant<,> mais j'écrirai plus tard. J'avais même oublié que Willy² vivait. Que je devais me marier avec lui<,> que j'étais fiancée<,> j'ai promi<s><.> Pauvre Willy<,> il m'aime<,> il m'aime jalousement amoureux jusqu'au suicide. Enfin<,> je reviens à mon frère. A quelques minutes de Bakou j'ai eu un

sentiment qui m'a écœurée<,> je l'avais ressenti en moi lorsque j'ai reçu sa première lettre. Il ne me comprendra pas et lui<->même dit maintenant que nous parlons dans des langues différentes<,> À la gare personne<,> Я этого ждала. Но спросила, где и как ехать в Сураханы.<,>³

Il faisait une chaleur étouffante. Le soleil du sud qui brule [brûle] tout ne respectant absolument rien. Aucune verdure<,>

Je suis arrivée dans le 7 промысел.<,>⁴ Mon frère était au travail.<,> Seulement sa femme et sa fille<,> les deux m'ont déplues de suite et c'est malheureux pour eux et pour moi car nos relations seront toujours froides, étrangères. Je voulais le voir.<,> Le soir il est rentré. Je l'ai embrassé j'étais heureuse heureuse mais là a commencé le drame<,> sa femme n'a pas quitté la chambre une seule fois. Je voulais lui parler l'embrasser mais elle était là et elle ne me plaît [plaît] pas. Nous sommes allés à Bakou les deux<,> j'ai pleuré dans le train je ne pouvais pas lui parler<,> j'ai dit «Je me tuerais<,> je me jetterai sous le train» j'étais très agitée, énervée. Mon émotion avait été très grande. La nuit il était assis près de moi<,> il m'embrassait sur la bouche, les yeux, tout le visage<,> «ma petite soeur»<,> J'étais heureuse et malheureuse<,> je suis toujours ainsi<,> lorsque je pourrais être heureuse je me rends moi<->même malheureuse<,> je pleure. Sa femme était jalouse<,> ça m'énervait encore plus.<,> Je lui ai dit combien je l'aime que pour lui je peux tout quitter<,> Willy<,> Эмма⁵<,> le monde entier car je l'ai toujours aimé et je suis heureuse. Je ne pouvais détaché [détacher] mes yeux de son visage<,> lui<,> lorsque je le regardais détournait les siens et тѣтя Вера⁶ qui disait qu'il avait des yeux formidables. Il a beaucoup souffert<,> il y a <il a> 25 ans<,> je peux lui donner 30 ans. Des larges et profondes rides creusent son visage<,> il n'est pas grand, tout à fait vouté [voûté]<,> J'ai été frappé de sa ressemblance avec Alex<,> surtout ses manières.<,> Je voulais aller au devant de lui mais Надя⁷ me gênait<,> je pleurais en silence<,> je n'ai pas parlé avec lui<,> pas une seule question<,> et il y a une semaine que je suis là. Les 2-3 premiers jours c'était difficile<,> plus tôt [plutôt] pénible mais maintenant je suis très peu à la maison.<,> Lundi et mardi j'ai été à Bakou<,> aujourd'hui j'ai visité le 6ème promysel avec en [un] jeune ingénieur Georg. Il m'a tout expliqué.

Il étudie à Len<ingrad>. 4 cours. Il est amoureux.<,> Hier soir nous étions assis devant la poste et longtemps nous avons parlé. Il a 27 ans<,> beaucoup vu<,> voyagé. Il connaît le Caucase à fond. Je ne me suis pas ennuié [ennuyée] une seule minute. Je lui dit [dis] Georg je tombe de sommeil ça doit être tard 2 ½ . J'ai été me couché [coucher] et ce matin il est venu me chercher pour me faire voir. Il fait chaud<,> si chaud et maintenant je suis complètement brûlée [brûlée] par le soleil. Si Willy me voyait<,> il serait épouvanté car il aime les femmes à la peau blanche. J'écris et je suis complètement <нрзб.>illée⁸ je peux à peine tenir ma plume.<,> J'ai reçu 4 lettres de Willy. Il veut être en

Russie le 15 septembre. Mais je ne veux pas repartir avec lui<,> j'aime mieux étudier. Comme je me sens heureuse avec ces étudiants<.> Je peux parler de tout<,> je me sens égale à eux<.> Là, il n'y a aucun drame d'amour de jalousie<,> rien<,> seulement des camarades. Je serai ingénieur. J'aime les ouvriers<,> toutes les machines<.>

Alors à quoi bon me marier<.> Je n'aurai absolument rien sinon que je devrai avoir des rapports et entendre des vilaines paroles<,> toutes ces lettres en sont pleines et pourquoi<,> c'est trop dégoûtant [dégoûtant]. La liberté, l'indépendance, après je vrai [verrai]. Je ne peux supporter la vie à deux<.> Comme je vois mes 2 frères étaient mariés et qu'est[-]ce que c'est des scandales sans fin des larmes des baisers etc... et encore des enfants<.> Non je suis écoeurée<.> Si Willy ne m'avait pas écrit des lettres<,> je me serais peut->être mariée mais maintenant non. Je ne peux pas recevoir une seule lettre sans qu'il m'écrive <<> trompe moi je le veux<>>. Si je le faisais<,> il deviendrait fou. Je suis fatiguée. J'écrirai plus tard et maintenant Nadia est rentrée de nouveau<,> les enfants qui pleurent. Ce que <je> déteste être dans cette maison lorsqu'ils sont là.

ПЕРЕВОД:

Баку, 21 августа 1929

Увидела старшего брата Бориса после 14 лет разлуки.⁹ Когда я была совсем маленькой, я смутно представляла, что у меня есть старший брат в России, но в 1918 он исчез.¹⁰ Я всегда надеялась увидеть его, иметь старшего брата, и когда мне рассказывали или я читала историю какой-нибудь семьи, где старшим был мальчик, я испытывала трепет. Ведь у меня тоже был брат. Мать думала, что он умер, а я чувствовала, и мое предчувствие не обмануло меня, что он где-то есть на свете. Часто я думала: «Он жив, он, вероятно, страдает, вернее, конечно страдает. Я думаю о нем, я его люблю, я хочу увидеть его, но он, может, забыл, что у него есть сестра. Когда мы расстались, мне было 3 года, детские воспоминания не стираются. Он должен думать и грустить обо мне. Почему же он не возвращается домой? А сейчас он здесь, рядом со мной, лежит на кровати. Я здесь уже неделю. Со мной произошли странные вещи. Я любила его, для меня мой брат был почти божеством, я думала, я счастлива, теперь я одинока, бесконечно одинока. Часто я подавлена, я страдаю от одиночества, я хотела бы довериться, верить кому-то, я надеялась, что скоро увижу брата, он поймет меня, полюбит меня, он страдал, и, может быть, я выслушаю его. Когда я ехала в поезде из Ленинграда в Баку, я чувствовала, как бьется мое сердце только от мысли, что через 3 дня я его увижу. В поезде я познакомилась с молодым студентом, но об этом я напишу потом. Я даже забыла о существовании Вилли. Что я собиралась

замуж за него, что я была обручена, дала слово. Бедный Вилли, он любит меня, он любит меня ревнивой любовью, готовый к самоубийству. Возвращаюсь к брату. За несколько минут до прибытия в Баку у меня возникло чувство, приведшее меня в уныние, я уже испытала его, когда получила его первое письмо. Он не поймет меня. Он сам теперь говорит, что мы разговариваем на разных языках. На вокзале – никого. Я этого ждала. Но спросила, где и как ехать в Сураханы. Была удушливая жара. Южное солнце сжигает все, не щадя ничего. Никакой зелени.

Я приехала в 7-й промысел. Брат был на работе, только его жена и дочка, обе мне сразу не понравились, и это несчастье для них и для меня, потому что наши отношения всегда будут прохладными, чуждыми. Я хотела увидеть его, вечером он вернулся. Я обняла его, была счастлива, счастлива, но тут началась драма. Его жена не выходила из комнаты ни на минуту. Я хотела поговорить с ним, поцеловать его, но она была там, и она мне не нравится. Мы поехали в Баку вдвоем. Я расплакалась в поезде, не могла с ним говорить. Я сказала: «Я покончу с собой, брошусь под поезд». Я была беспокойна, раздражена. Меня охватило сильное волнение. Ночью он сидел возле меня, целовал мой рот, глаза, все лицо: «моя сестричка», я была счастлива и несчастна, со мной всегда так, когда я могла бы быть счастлива, я сама себя делаю несчастной, я плачу. Его жена ревнива, это еще больше нервировало меня. Я сказала ему, как я люблю его, что ради него я могу все бросить – Вилли, Эмму, весь свет, потому что я его всегда любила и я счастлива. Я не могла глаз отвести от его лица, а он, когда я на него смотрела, отводил глаза, а тетя Вера говорила, что у него прекрасные глаза. Он многое пережил. Ему 25 лет, я дала бы ему 30. Широкие и глубокие морщины избородили его лицо, он не высокий, совершенно сутулый. Меня потрясло сходство с Алеком,¹¹ особенно манеры. Я хотела расспросить его, но Надя мешала мне, я беззвучно плакала, я не поговорила с ним, не задала ни одного вопроса, а я уже неделю здесь. 2–3 первых дня было трудно, вернее, тяжело, но теперь я мало бываю в доме. В понедельник и вторник я была в Баку. Сегодня я была на 6-м промысле с молодым инженером Георгом. Он мне все объяснил. Он учится в Лен<инграде>. 4-й курс. Он влюблен. Вчера вечером мы сидели перед почтой и говорили. Ему 27 лет, он много видел, путешествовал. Он прекрасно знает Кавказ. Мне ни минуты не было скучно. Я ему говорю: «Георг, я засыпаю, поздно, должно быть 2 ½». Я ушла спать, а утром он зашел меня навестить. Жарко, так жарко, я сгорела на солнце. Если бы Вилли меня увидел, он бы ужаснулся, потому что он любит белолицых женщин. Пишу, а сама совершенно сонная (?),¹² едва держу перо. Я получила 4 письма от Вилли. Он будет в России 15 сентября. Но я не хочу уезжать с ним, я хочу учиться. Я чувствую себя счастливой в обществе студентов. Могу говорить обо всем, я чувствую себя рав-

ной им. И никаких драм любви и ревности, ничего такого, просто товарищи. Я стану инженером. Мне нравятся рабочие, все машины, так зачем выходить замуж. У меня не будет ничего, кроме того, что я должна буду иметь отношения и выслушивать скверные слова, все эти письма полны ими, а почему, это противно. Свобода, независимость, а потом будет видно. Я не смогу вынести жизнь вдвоем, я вижу 2 моих женатых братьев, что это, бесконечные скандалы, слезы, поцелуи и т. д. ... да еще и дети. Нет, это тошнотворно. Если бы Вилли не писал мне писем, может быть, я бы и вышла замуж, но сейчас – нет. Не получаю ни одного письма, где бы он не писал: «измени мне, я так хочу». Если бы я так поступила, он бы с ума сошел. Я устала. Напишу позже, Надя вернулась, дети плачут. Ненавижу быть в этом доме, когда они тут.

Bakou, le 1er septembre 1929

J'attends maman elle doit arriver un de ces jours. Hier toute la journée j'ai été à Bakou. Je n'aime pas ce peuple du sud. Leur vie est intéressante mais eux sont passionnés jusqu'à la folie.

[ПЕРЕВОД:

Баку, 1 сентября 1929

Жду маму, она должна приехать на днях. Вчера весь день была в Баку. Не люблю этот южный народ. Их жизнь интересна, но они страстны до безумия.]¹³ Мне жаль, что мам<ы> нет, я не просто скучаю. Я получила письмо от Яср.,¹⁴ милая славная девочка, как ты любишь меня. Я сейчас нах<ожусь> в колебательн<ом> состоян<ии>, все бросить и уехать с Вили, а там увижу, что и как, или <б>росить Вили и остаться здесь. Бор<я> для меня умер, остался лишь Коля.¹⁵ А этот Коля не мой брат желанный. «Так и должно было быть». Ради чего буду здесь жить дома, чтобы скандал<ы> слушать постоян<н>. Боже, какая я вообще странная, нерешительная. Сколько раз я завидовала те<м> счастливы<м>, кот<орые> просто и прямо выбирают себе жизненный путь, имея уверенность, что доб<ь>ются <нрзб.> и будут работать. Вчера один купец, случайный знаком<ый>, предлагал уве<з>ти м<еня> в Персию. <...> Стинуся¹⁶ сегодня целый день плачет, что мне на нерв<ы> действует. <...> Мне всегда <нравились>¹⁷ дети. Как я любила их, целовала и вставала грус<т>ная от того, что у меня нет сво<их>, а сейчас как все мои желани<я> быстро улет<е>л<и>. Потом здесь днем мухи кусают, ночь<ю> комары, клопы. Но вот и отдыхай. Я хотела бы поехать к Вили, он славный и умный. Мне с ним хорошо. Брат у меня очень странный, но он сам не со<з>нает<ся> в этом. Всегда и всюду он прав. Смешно он говорит, что я готова отдать<ся> первому попавшему<ся>, не умею себя держать

и т. д <и> т. д. Сам, если <бы> он б<ы>л мужчин<a>, влюбился <бы> в меня, и он бы знал, какая я.

Bakou, le 12 septembre 1929

Demain ou après demain<,> je dois partir avec maman pour le Tiflis. Je suis très nerveuse

[ПЕРЕВОД:

Баку, 12 сентября 1929

Завтра или послезавтра уезжаю с мамой в Тифлис.¹⁸ Я очень нервничаю<,> всё раздражает м<е>ня.¹⁹ Je n'ai rien à écrire de plus gai que je suis malade<,> je suis encore plus démoralisée. Je souffre<.> Je ne peux même me permettre de penser qui m'a donné cette maladie. Je ne crois pas qu'Эмма puisse être malade<,> il m'aimait trop pour agir si lâchement. Son amour pour moi était grand, il existe jusqu'à ce moment. Je ne peux admettre que mon sentiment m'aie trompé [ait trompée]. L'homme qui j'ai aimé follement mortellement à qui j'ai donné mon coeur<,> mon corps<,> tout ce que je possédais мог бы заразить меня²⁰<.> Lorsqu'en me couvrant sous la couverture j'apreçois mon corps si jeune, si frais, avec une peau lisse et douce comme le velours j'ai mal<,> je ferme les yeux<,> je ne peux supporter la pensée que ce corps soit malade<.>

Ça m'est impossible de résoudre [résoudre] comment suis je devenue malade. Et a [à] part les maux physiques il y a les maux morales qui me tuent<,> me jettent dans un gouffre, m'abaissent. Peut-<>être que Willy est malade par ma faute. Je sens une immense tendresse<,> un désir de le voir<,> d'être avec lui<.> Il souffre et sa souffrance me déchire le coeur. Une question me tourmente. Je sais que je suis malade<,> maman le sait<,> mais mes relations avec le monde sont restées les mêmes qu'auparavant et je ne peux supporter lorsque quelqu'un vient vers moi<,> me parle gentiment<,> me serre la main, j'aimerais lui crier vas t'en [va-t'en]<,> laisse moi seule, tu ne sais qui je suis<,> ce que j'ai. En gardant ce secret pour moi il me semble que je trompe tout le monde. Lorsque j'étais à l'hôpital<,> il me semblait que je cometais [commettais] un crime car tout le monde était tellement gentil envers moi. Le docteur en me voyant a pensé que j'étais encore une toute petite fille et lorsque je lui ai dit que j'étais mariée<,> il n'en revenait pas «comment mariée<,> mais quel âge avez-vous<»<?>

Je ne peux embrasser ma mère, ni mon frère et lorsqu'ils viennent vers moi<,> je les repousses [repousse]. Mais autrement je suis calme<,> je ne pleure plus<,> mais mes nerfs sont très très tendus. j'aimerai Willy<,> mon amour pour lui est très grand, profond. La nuit je ne peux dormir et je pense

continuellement à lui. Je l'aime<,> être avec lui dans ses bras<,> sentir son haleine se mêler avec la mienne<,> sentir ses lèvres sur les miennes dans un baiser sans fin<,> fermer les yeux la tête [tête] renversée en arrière et lui dire<:> Willy<,> je t'aime<,> je suis heureuse. Je sais que je ne le tromperai pas. Je le reverrai dans 2 mois<,> dans une année et je l'aimerai comme maintenant. Je sais que c'est l'amour véritable. Je lui écrirai une lettre d'amour<,> de tendresse.

ПЕРЕВОД:

Самое веселое, о чем я могу написать, это то, что я больна²¹ и совсем упала духом. Я страдаю. Не могу даже позволить себе думать, из-за кого я больна. Не думаю, чтобы Эмма был болен, он слишком сильно любил меня, чтобы поступить так подло. Его любовь ко мне была сильной, она существует и сейчас. Не могу допустить, что я обманулась. Человек, которого я любила безумно, до смерти, которому я отдала сердце, тело, все, что у меня есть, мог заразить меня. Когда укрываясь одеялом, я вижу свое тело, такое молодое, свежее, с кожей мягкой и нежной, как бархат, мне становится дурно, я закрываю глаза, я не могу вынести мысли о том, что это тело больно.

Не могу понять, как я заболела. Кроме физических я испытываю моральные страдания, они убивают меня, я лечу в пропасть, чувствую себя униженной. Может быть, Вилли заболел из-за меня. Я чувствую бесконечную нежность, желание видеть его, быть с ним. Он страдает, и его страдание терзает мое сердце. Один вопрос мучает меня. Я знаю, что я больна, мама это знает, но мои отношения с миром остались такими же, как прежде, для меня невыносимо, когда кто-нибудь направляется ко мне, мило со мной разговаривает, пожимает мне руку, а я хотела бы крикнуть: «уйди, оставь меня одну, ты не знаешь, кто я, что со мной». Я храню мой секрет, и мне кажется, я всех обманываю. Когда я была в больнице, мне казалось, я совершаю преступление, потому что все было так мило со мной. Доктор, увидев меня, подумал, что я совсем девочка, а когда я сказала ему, что замужем, он был поражен: «как, замужем? Сколько же вам лет?».

Не могу целовать ни маму, ни брата, когда они приходят ко мне, я их отталкиваю. Но вообще я спокойна, я больше не плачу, но нервы мои очень, очень натянуты. Я буду любить Вилли, моя любовь к нему очень сильная, глубокая. По ночам мне не спится, я все время думаю о нем. Я его люблю, быть с ним в его объятиях, чувствовать, как его дыхание смешивается с моим, чувствовать его губы на своих губах в бесконечном поцелуе, закрыть глаза, запрокинув голову, и сказать ему: «Вилли, я люблю тебя, я счастлива». Я знаю, что не изменю ему. Я увижу его через 2 месяца, через год и буду любить его, как сейчас.

Я знаю, это настоящая любовь. Я напишу ему любовное письмо, нежное письмо.

Tiflis, le 24 septembre 1929

Il y a plus d'une semaine que je suis ici. La ville elle-même me plaît [plaît] assez mais je n'ai qu'un désir<:> partir au plus vite<,> car ic plus qu'ailleurs je me sens si seule<,> si loin de Willy. J'ai été frappée de la ressemblance avec Zürich et je n'aurais jamais cru qu'au milieu du Caucase il puisse exister une ville pareille même incomparable avec Leningrad. Les rues sont larges<,> propres<,> plantées d'arbres. C'est la Grousie<,> la [le] pays si aimé de Lermontoff, la nature est belle<,> le peuple est beau<,> très gai et très passionné et à cause de ça jamais je ne pourrai vivre au Caucase<,> pour eux la femme est un dieu et un objet en même temps et sans regardé [regarder] que la révolution aie passé [soit passée] par la [là] rien n'a changé envers la femme<,>

La femme reste la femme tandis qu'en Russie c'est un camarade avec qui ont peut [on peut] discuter<,> taper [tapper] sur l'épaule et combien je préfère [préfère] ces relations.

[ПЕРЕВОД:

Тифлис, 24 сентября 1929

Я здесь уже больше недели. Сам город мне нравится, но у меня одно желание – уехать как можно скорее, потому что здесь больше, чем где бы то ни было, я чувствую себя одинокой, так далеко от Вилли. Я была поражена сходством с Цюрихом, никогда бы не подумала, что в центре Кавказа может существовать подобный город, несравнимый даже с Ленинградом. Улицы широкие, чистые, обсажены деревьями. Это – Грузия, край столь любимый Лермонтовым, природа прекрасна, народ – красивый, очень веселый и очень страстный, и из-за этого я никогда бы не смогла жить на Кавказе. Для них женщина – это бог и в то же время вещь, и, несмотря на то что и досюда докатилась революция, ничего не изменилось в отношении женщины. Женщина остается женщиной, в то время как в России она – товарищ, с которым можно спорить, похлопать ее по плечу, и я предпочитаю такие отношения.]

То, что было сегодня утром, никогда не забуду. Это <произвело>²² на меня сильное впечатление. Захожу к Сон<е>, стуч<у>, открывает мне ее муж.²³ Так как я его совсем не знаю, я хотела сразу уйти, когда узнала, что ее нет дома, но он м<е>ня задержал: «Ведь я дома, пожалуйста». Н<у> я зашла, но мне было очень неудобно. Мне всегда казалось, что он, член ЦИК, секрет<а>р<ь>, не может обращать никак<ого> внимани<я>

на меня, ведь я глупа<я> девочка, и когда он м<е>ня <по>просил присесть, я очень удивилась.

Как-то нач<а>ли разговаривать: когда я уе<з>жаю, что делаю потом. Он стал мне ласкать руки, говорить, что я интересная девочка и что жаль, что ему не 32 года, <он бы женился на мне>. Я опустила глаза и думала: «Что это такое, правд<у> он говорит или нет?». Он все продолжал мне руки ласкать. Я тогда стала пристально на него смотреть. Он очень красивый, правильные черты лица, лет 50, но он уже совершенно седой.²⁴ Спросил, есть <ли> у меня жених, что он должен быть счастливый, а я просто ответила, я замужняя.

Как, ты женщина<?> Ты женщина<?> Он встал, взял мою голову в сво<и> рук<и> и страстно, сильно поцеловал м<е>ня в губ<ы>. Так значит ты уж<е> не девочка<?> Зачем ты мне это сказала<!> Ты женщина.

Я уже не могла ничего понять, что с ним случилось. Как так, а почему мне нельзя было сказать, что я женщина, ведь я врать не могу, и зачем мне это скрывать?

Он стоял около меня и все целовал, целовал.

Разве ты не знаешь, что ты не должна была говорить это, потому что это значит, что ты хочешь.

Я засмеялась, я себя чувствовала страшно глуп<о> и неловк<о>, и все из-за того, что он в ЦИК и обещал помо<чь> мам<е>. Потом слышу его слова: «Я приду к тебе. Скажи, когда. Приду на час побаловаться с тобой. Деньги принесу. Ты скажи, когда». Тогда только я ясно со<о>бра<з>ила мо<е> положение<е>.

Я рас<с>ердилась и попросила его м<е>ня оставить в покое. Что если он страс<т>ный, это не значит, что и я такая. Что я женщина, я в этом не виновата. И если ему нужна женщина, он может найти их тысячи. Сразу на моих глазах он стал самый обыкновенный человек, и <мы> опять стали разговаривать. Потом пришла его жена, и я пошла с ней в др<угую> комнату. Вот и все. Завтра хочу уехать, но точно еще не знаю. Мама у меня гадкая <-> уезжает и оставляет мне 7 р. Вот и все и живи, а после скажет: «Эрик жить не умеет, глупости делает, не кушает и худеет». И когда я сказала Соне, он<а> возмутилась, и, может быть, завтра достанет 10 р. Кроме этого у меня ничего интересно<го> нет. Отпускаю себе волосы, не мажу больше лица<,> но только очень сильно курю. Это мне вредно. Я скучаю и много сплю. Вино больше не могу перенести 4 стакан<а>²⁵ и я уже пьяна, а раньше как я здорово пила. Помню, как мы с Никола<ем> (<евым>?)²⁶ ходили под водой с бутыл<л>к<ой> водк<и>. Тогда я была здоровая дух<ом> и тел<ом>, а сейчас что от меня осталось. Я больная. Это м<е>ня сильно угнетает, и я стараю<сь> как можно меньше думать про это.

Пойду обедать, а то я очень голодная. Когда приехала в Tiflis, весила 50 (?)²⁷ кило, сегодня пойду опять узнать. Да, между прочим, Willy очень

славный, милый. Я его очень люблю и страшно скучаю по нем, но он, глупый, так влюбился в меня, он будет несчастный, потому что уверена, что долго с ним не буду жить.

Leningrad, le 8 octobre 1929

С каким удовольствием я приехала домой.

J'ai fait un délicieux voyage entourée d'une très gentille compagnie. Seulement je me suis tordue le pied juste à la veille de partir pour Vlad. c. Mais c'était bien ma punition<,> car pour le dernier soir j'avais été invitée et je me suis trop amusée et en courant dans la rue <нрзб.> je sens une douleur à mon pied. Maintenant je vais tous les jours aux massages mais j'aime beaucoup ça<.> Je sens comme le sang me monte au coeur.

[ПЕРЕВОД:

Я совершила приятное путешествие в очень милой компании. Только я вывихнула ногу как раз накануне отъезда во Влад. Но это было мне в наказание, потому что в последний вечер я была приглашена и очень развлекалась, а когда бежала по улице <нрзб.> почувствовала боль в ноге. Теперь каждый день хожу на массаж, но мне нравится. Я чувствую, как кровь приливает к сердцу.]

Сегодня я <...> разгов<a>ри<ва>ла с мамой, что я думаю дальше делать. Мне очень очень трудно реш<и>ть.²⁸ Я хочу учиться, это я определенно знаю. А если вы<й>ду замуж за Вили, то я могу сказать прощай учение.

Нет, мне даже скучно писать. Я была у Алек. Алек.²⁹ Он очень очень славный умный красивый, и я люблю на него смотреть<ь>, но я себя очень странно чувствовала у него. Мне было неловко, стесняла<сь>, и все время я думала, как я посмела его так целовать в поезде, тогда, правда, было совсем др<угое>. Я лежала, он сидел на скамейке близко-близко от меня, и я думала: «Как он восприм<е>т, если я его поцелую<ю>». Вообще я сумасшедшая, и очень хорошо <с> его стороны, что сегодня так просто и мило принял меня.

Leningrad, le 21 novembre 1929

Время лети<т>, дни проход<ят>, и от Вилли ничего нет. Il ne revient plus<,> peut-<=>être que tout est fini<,> fini. Aujourd'hui j'ai reçu une lettre de Jacq. Mais par le ton de sa lettre elle ne sait rien de lui. Je m'ennuie, je m'ennuie énormément [énormément]. J'étais sûre de son amour pour moi. Que se passe-t-il<?> Tous ces jours je suis restée à la maison car je me suis faite une entorse au pied droit ce que doit arriver périodiquement. Je suis contente

de n'avoir pas à travailler car je ne suis pas encore habituée à ses [ces] travaux physiques surtout par ce froid, mais le temps est long et je pense beaucoup plus à lui<.> J'aimerais sentir ses baisers<,> entendre sa voix et dire que j'ai vécu avec<,> qu'il était là tout près de moi. Quand je voulais<,> je pouvais le voir<,> l'embrasser<,> je pouvais aller vers lui<,> le serrer dans mes bras<,> lui dire combien je l'aimais et maintenant n'a plus rien (la poste vient d'arriver<.> Mon Dieu<,> si il avait [il y avait] au moins une lettre pour moi< !> J'ai le coeur qui bat<,> je tremble presque<.> Non c'est simplement une dette de 10 r. qu'il faut payer dans un délai de 2 jours<,> autrement il y aura le jugement. J'aimerais pleurer<.> Cette attente me fait souffrir. J'ai écrit plusieurs fois en le priant de me répondre<.> Si des fois il ne m'aime plus<,> il n'a qu'à m'écrire franchement<,> alors je saurai à quoi m'en tenir. Il m'a trompé<e><.> S'il voulait seulement profiter de moi< ?> Mais je ne peux pas croire car il m'aimait<.> Mais s'il m'aimait<,> comment a-t-il put [pu] m'oublier si vite? Enfin!!!

Je suis contente d'être étudiante<.> Je ne sais ce que sa [ça] donnera, finirai-je ou bien arrivera-t-il denouveau [de nouveau] quelque chose qui me déliquilibera [déséquilibrera] de mon chemin. J'espère que non. Mais c'est drôle je m'ennuie déjà<.> En Russie je me rappelle souvent l'étranger. Comme la vie est mieux labas [là-bas] et j'aimerais être riche. Des fois je suis dégoutée [dégoûtée] à la pensée que toute ma jeunesse passera ici à étudier et travailler dans une fabrique. Maintenant je ne sors absolument pas ni au Ciné<,> au théâtre<,> dans des soirées<,> tout est oublié. J'étudie et je reste à la maison. Mais ça va bien quelque temps et je pense que j'aimerais vivre<,> rire<,> m'amuser<.> Mes camarades d'études sont tous des simples ouvrier<s> sympathiques [sympathiques]<.> Je ne dis rien<,> mais ennuyeux<,> ils n'ont qu'une idée <<>chez nous c'est mieux que partout<,> nous voulons faire le socialisme<>> moi<->même je veux entrer dans l'Union de la Jeunesse communiste mais je fléchis déjà<,> je ne sais que faire. Pour le moment je n'ai qu'un but<,> tenir les examens pour suivre le second cours et ne pas rester car autrement ça serait bête et j'aurai honte et je partirai de l'Institut car je suis la seule femme et je dois prouver qu'elle est aussi capable comme un homme<.> Maintenant j'étudie le plus c'est les mathématiques. Les différences<,> «limites» etc... etc... c'est difficile mais en même temps très simple<.> Il faut seulement comprendre<.> Mais si des fois Willy venait comme je serais heureuse. Je ne peux plus lui écrire. Lorsque j'entends le gramophone je pleure<,> ça réveille trop de souvenirs et j'ai mal. Je suis naturellement plus forte qu'avant<,> je me sens beaucoup mieux et très calme. Mes nerfs<,> je les ai soignés moi<->même<,> l'effet est très bon mais tout ne vient pas complet<,> il me manque quel que chose [quelque chose]<.> Mon amour était grand et je ne peux l'oublier. Je ne peux oublier ses baisers<,> comme ils me bouleversaient [bouleversaient]. Lorsque j'étais à B<npзб.>³⁰ et qu'il venait me

voir j'aurais donné ma vie pour ses baisers. Pour quoi [pourquoi] ne comprend-t-il pas [ne comprend-il pas] que je l'aimais<,> que je l'aime. Si il me disait de tout quitter et d'aller avec lui, j'irais.

ПЕРЕВОД:

Ленинград, 21 ноября 1929

Он не возвращается, может быть, все кончено, кончено. Сегодня получила письмо от Жак<лин?>, но, судя по тону ее письма, она ничего не знает о нем. Мне тоскливо, бесконечно тоскливо. Я была уверена в его любви ко мне. Что происходит? Все эти дни я не выходила из дома, потому что у меня вывих правой ноги, что периодически случается. Я рада, что у меня нет работы, потому что я еще не привыкла к физической работе, тем более на холоде, но время тянется долго, и я гораздо больше думаю о нем. Я хотела бы чувствовать его поцелуи, слышать его голос. Подумать только, я жила с ним, он был там, рядом со мной. Когда мне хотелось, я могла его видеть, целовать его, пойти к нему, заключить его в свои объятия, сказать ему, как я его люблю, а теперь – ничего (только что пришла почта). Бог мой, если бы для меня было хоть одно письмо. Мое сердце колотится, я почти дрожу. Нет, это всего лишь долг – 10 р., который нужно заплатить в течение 2 дней, иначе будет судебное постановление. Я хотела бы поплакать. Это ожидание мучает меня. Я несколько раз написала ему с просьбой ответить мне, если вдруг он больше меня не любит, ему надо просто честно написать мне, тогда я буду знать, как мне быть. Он меня обманул. Если он только хотел мной воспользоваться? Но я не могу поверить, потому что он меня любил, но если он меня любил, как он мог так быстро забыть меня? Наконец!!!

Я рада, что я студентка,³¹ не знаю, что это даст, закончу ли я, или снова случится что-нибудь, что собьет меня с пути. Надеюсь, что нет. Но странно, мне уже скучно. В России я часто вспоминаю границу. Насколько там жизнь лучше, и я хотела бы быть богатой. Иногда мне становится тошно при мысли, что вся моя молодость пройдет здесь за учебой и работой на фабрике. Я теперь никуда не хожу – ни в кино, ни в театр, ни на вечеринки, все забыто. Учусь и сижу дома. Но иногда все неплохо, мне кажется, что я бы могла полюбить жизнь, смеяться, развлекаться. Мои товарищи по учебе – простые симпатичные рабочие, ничего не могу сказать, но скучные, у них только одна идея «у нас лучше, чем где бы то ни было, мы строим социализм». Я и сама хочу вступить в Союз коммунистической Молодежи,³² но уже колеблюсь, не знаю, что делать. Сейчас у меня только одна цель – выдержать экзамены, чтобы перейти на второй курс и не остаться, потому что иначе было бы глупо, мне будет стыдно, и я уйду из Института, так как я – единственная женщина и должна дока-

зять, что женщина так же способна, как и мужчина. Сейчас я больше всего занимаюсь математикой. Разности, «пределы» и т. д. и т. п. Это трудно, но вместе с тем очень легко. Надо просто понять. Но если бы вдруг Вилли приехал, как бы я была счастлива. Я не могу больше ему писать. Когда я слышу граммофон, я плачу, это пробуждает слишком много воспоминаний и мне становится плохо. Конечно, я стала сильнее, я чувствую себя намного лучше и очень спокойна. Я сама занималась своими нервами, результат очень хороший, но не полный, чего-то мне недостает. Моя любовь была очень сильной, я не могу ее забыть. Не могу забыть его поцелуи, как они меня волновали. Когда я была в Б.(?)³³ и он навещал меня там, я бы жизнь отдала за его поцелуи. Почему он не понимает, что я любила его и люблю. Если б он мне сказал все бросить и пойти с ним, я бы пошла.

Leningrad, le 13 février 1929³⁴

Nous sommes à la veille de grand émovements [évènements]<> Aujourd'hui tous les peuples du monde damnent la Russie<> Tous sont contre nous et nous devons mener une lutte terrible à la vie ou à la mort. Le monde complet sera bouleversé [bouleversé]. Qui tiendra. La lutte pour nous sera terrible, difficile<> il se passera des choses horribles. Nous sommes entourés d'ennemis, quelques<>uns de très forts. L'Amérique<> l'Allemagne, l'Angleterre. Seulement ces derniers temps l'Allemagne c'est [s'est] décidée à dire oui ou non.

[ПЕРЕВОД:

Ленинград, 13 февраля 1929

Сегодня мы накануне великого события.³⁵ Сегодня народы мира проклинают Россию. Все против нас, и мы должны будем вести жестокую борьбу не на жизнь, а на смерть. Весь мир будет потрясен. Кто выстоит. Борьба для нас будет жестокой, трудной, произойдут страшные события. Мы окружены врагами, некоторые из них – очень сильные. Америка, Германия, Англия. Только в последнее время Германия решилась сказать да или нет.]

Внутри страны что делается.³⁶ Les fabriques ne peuvent remplirs [remplir] leurs tâches. Les paysans seront contre nous. Enfin j'espère que notre armée rouge sera forte encourageuse [et courageuse] et qu'elle alla au combat [ira au combat] remplie d'élan<> d'espoir<> de sûreté. Je pense bientôt entrer dans le parti [parti] des jeunes communistes. Je veux travailler, aider mon pays. Si dans un pays voisin<> l'Allemagne<> les ouvriers feront une révolution<> nous les aiderons<> Après nous serions beaucoup plus fort<s>.

Un peu de moi car j'ai l'habitude d'ouvrir ce livre seulement lorsque je suis de mauvaise humeur, découragée<,> triste. Mais ce soir je ne peux pas dire que s'en [c'en] soit le cas. Mais je m'ennuye [m'ennuie] sans travail<,> sans étude<s> et je suis trop paresseuse pour m'asseoir et commencer à lire un livre<,> à étudier<.> Mes pensées ne peuvent rester fixée<s> sur mon livre<,> me donner complètement à lui car elle [elles] courent de droite à gauche, en avant en arrière, plusieurs fois courent et fond [font] le tour du monde et je me sens si loin de tout de tout. Je pense souvent à Willy. Il me manque<,> je l'aime et je m'ennuye [m'ennuie] de lui<.> Je n'aime pas la solitude à cause de ça. Maintenant c'est 7h. je suis seule. Je suis descendue jusqu'au compteur pour téléphoner à Lialia de venir me voir mais elle ne peut venir que demain. Dès que je terminerai d'écrire<,> j'irai me mettre au fond du lit. Une surprise fort peu agréable m'attend. C'est bête : si j'étais sûre que personne ne lisait ce livre<,> j'écrirais tout, toutes mes pensées mais je sais trop bien je ne peux rien tenir, ni papier ni lettre sans quelles [sans qu'elles]soient lues et c'est pourquoi je tache [tâche] de tout déchirer. La tête me fait mal<,> voilà 13 jours que je suis malade<,> avec maman nos relations sont froides. Elle est très nerveuse<,> je suis nerveuse. Si je fais quelque chose qui ne lui plaît [plaît] pas, elle s'énerve<,> ne parle pas avec moi<,> s'enferme dans sa chambre. Je me demande pourquoi. J'ai été mariée, j'ai été à l'étranger<,> j'ai beaucoup beaucoup vu et supporter [supporté] et maintenant si je reçois quelqu'un qui ne lui plaît [plaît] pas<,> elle ne me parle pas<,> joue [joue] une espèce de comédie qui me dégoûte [dégoûte] et me donne seulement l'envie de partir de la maison. Je sais que je le ferai si elle ne s'habitue pas à l'idée que c'est trop tard pour me surveiller comme une petite gosse<,> il fallait le faire avant, et que j'ai le droit comme étant majeur<e> et mariée de faire ce que je veux. A Moscou ses connaissances ont été étonnés [étonnées] de voir comme elle me surveillait. A moi<,> il me disait [ils me disaient] supporter car elle est malade. Je suis d'accord<,> elle est malade et je supporte ce que je peux<,> mais le resultat c'est que j'étouffe<,> je deviens triste et je déteste notre maison. A quoi bon me gater [gâter] encore plus la vie. Comme ça elle est déjà gatée [gâtée]. Je dois me remettre<,> vivre gaiement et tranquillement<,> ne plus voir des scandales, des accès d'istérie [hystérie] continuellement autour de moi<,> entendre cette voix qui commande qui ne peut parler tranquillement et ce qui me dégoûte [dégoûte] le plus<,> oh comme je la détestais. Et avant hier elle me demande «Dis<->moi<,> as-tu vu ЭММА à Moscou». mais pourquoi<,> pourquoi?> Que veut-elle de moi?> Moi<,> je pourrais toujours lui dire<:> c'est trop tard. Et pourtant<,> maman<,> je l'aime<.> Pourquoi se mêle-t-elle de tout ce que je fais. Comme ça serait mieux autrement et nos relations seraient mieux. Pourquoi ne voit-elle pas ses défauts. Personne ne doit et ne peut dire je suis

une perfection. Comment ne voit-elle pas qu'elle me gâte la vie<,> me la rend triste et pénible. De Jacq.<,> de Willy rien<,> de personne je ne reçois plus rien.

[ПЕРЕВОД:

Фабрики не могут справиться со своими задачами. Крестьяне будут против нас. Я надеюсь, что наша красная армия окажется сильной и смелой и пойдет на бой, исполненная стремления, надежды, уверенности. Я собираюсь вступить в партию молодых коммунистов.³⁷ Буду работать, помогать своей стране. Если в соседней стране, Германии, рабочие совершат революцию, мы станем им помогать, потом мы станем сильнее.

Немного о себе, потому что обычно я открываю эту книжку, когда у меня плохое настроение, я пала духом, когда мне грустно. Но сегодня вечером не могу сказать, что это подобный случай. Но мне скучно без работы, без занятий, а усесться с книжкой и заниматься лень. Мне трудно сосредоточиться на книге, полностью погрузиться в чтение, потому что мои мысли бегут справа налево, вперед, назад, бегут и совершают кругосветное путешествие, и я чувствую, что я далека ото всего. Часто думаю о Вилли. Мне его не хватает, я люблю его и скучаю без него. Поэтому я не люблю одиночество. Сейчас 7 ч., я одна. Я спускалась к счетчику<?>, чтобы позвонить Ляле³⁸ и позвать ее к себе, но она может прийти только завтра. Кончу писать, лягу в постель. Меня ждет малоприятный сюрприз. Глупо: если бы я была уверена, что никто не прочтет эту книжку, я бы писала все, все мои мысли, но я слишком хорошо знаю, что я ничего не могу удерживать, ни документов, ни писем, что их прочитают, вот почему я стараюсь все порвать. Голова болит, болею уже две недели. С мамой прохладные отношения. Она – раздражительная, я – раздражительная. Если я делаю что-то, что ей не нравится, она сердится, не разговаривает со мной, закрывается в своей комнате. Я себя спрашиваю, почему. Я была замужем, жила за границей, многое видела и многое выстрадала, а теперь, если ко мне приходит кто-то, кто ей не нравится, она со мной не разговаривает, играет какую-то отвратительную комедию, и мне хочется уйти из дома. Я знаю, что так и сделаю, если она не привыкнет к мысли, что поздно присматривать за мной как за маленькой девочкой. Надо было делать это раньше, а я, совершеннолетняя и замужняя, имею право делать, что хочу. В Москве ее знакомые были удивлены, видя, как она за мной надзирает. Мне говорили, чтобы я терпела, потому что она больна. Я согласна, она больна, и я терплю, что могу, но в результате я задыхаюсь, становлюсь грустной и ненавижу наш дом. Зачем мне еще больше портить жизнь. Она и так уже испорчена. Мне нужно возродиться, жить весело

и спокойно, не видеть больше скандалов, постоянных приступов истерии вокруг меня, не слышать голос, отдающий команды, который не может звучать спокойно и который мне отвратителен. О, как он мне ненавистен. А позавчера она меня спрашивает: «Скажи, ты видела Эмму³⁹ в Москве?». Но почему, почему, чего она хочет от меня? Я всегда могла бы ей сказать «слишком поздно». Впрочем, я люблю маму, но зачем она вмешивается во все, что я делаю. Все могло бы быть лучше, будь оно иначе, и наши отношения были бы лучше. Почему она не видит своих недостатков? Никто не должен и не может сказать «я – совершенство», но как она не видит, что портит мне жизнь, делает ее унылой и трудной. От Жак<лин?>, от Вилли – ничего, ни от кого я ничего больше не получаю.⁴⁰
<...>⁴¹

Ленинград, 13 сентября 1930

Как время летит быстро, вот год как я покинула Швейцари<ю>, и сколько нового. Каждый день несет мне что-нибудь. Я на втором курсе. Жизнь кошмарная. Очереди, очереди. Как только что-нибудь дадут в лавках, так и сразу толпа собирается, женщины кричат, шумят, все стало ужасно нервные, злые. Видно, как каждый радуется, если ко<го>-либо друго<го> постигнет несчастье. Все по ордерам, по книжке, по карточкам. Папиросы дают 2 пачки на 5 дней. Хорошо мне получаю 6 пач<ек>, но я вообще счастливая, мне всегда ве<з>ет.

Ce soir j'ai été chez mon docteur Петерсон. [ПЕРЕВОД: Сегодня вечером была у моего доктора Петерсона.⁴²] Он славный, жизнерадостный, несмотря на то что он все потерял, миллионы рубле<й>. Он глубоко преданный России, но не так<ой> как сейчас, а велик<ой> и могуч<ей> Кра<сив>ой> Росс<ии>. Сознание, что наша страна такая богатая, красивая, разнообразная гибнет, сам народ себе гроб р<о>ет,⁴³ сердце болит. Ухожу от доктор<а>, хочу курить, а спички нет. Какой-то маленький ничтожный еврей⁴⁴ стоит у порог<а> какой-то двер<и>. «Дайте прикурит<ь>». «Пожалуйста, будьте любезны. Наверно<е>, у <В>ас хорошие папиросы». «Нет сов<сем>». Мне стало смешно и противно этого человека. Как говорит Жуковский:⁴⁵ «Не хочу быть обывательская корова, масса, черви, очень, очень мало умных людей, кот<орые> действительно нос<я>т название человека» или: «я не хочу разговаривать с чиновник<ами>, а если приходится разговаривать, то лучше с большими, чем с маленьк<ими>».

У нас дома все продолжа<ю>тся споры, скандалы, если не один брат придет пьяный, то втор<о>й. Кругом грязь, здесь живешь в сплошной грязи, уб<и>рать я не хочу и не буду, так же как и стоять в очереди не могу, м<е>ня тошнит.⁴⁶

У Миш<и> страшно грязно, но я хочу помогать ему, для него мне не противно, хочу ему создать хорошую жизнь. Боже, что делается у него! Сахар (?)⁴⁷, хлеб – там свободно и просторно прыгают блохи. Были в Смол<ь>н<ом>. Ничего наши шишки стали со мной разговаривать. Я даже не ожидала такого приема. Обещали дать ему возможность<ь> работать в Пут<и>ловском Institut, он будет главный руководитель<ь> работы, а на счет ден<ег> узнает завтра. С Борисом мы очень далекие и кажды<й> <день?> я все собираюсь побеседовать с ним. Вчера получила от <нрзб.> длинное письмо. Он ко мне чу<д>но относится.

Вообще я решила опять уехать за границу⁴⁸ с Мишей<.> Мне уже надоело здесь ждат<ь>.⁴⁹ Хочу писать книжку. Точка, хватит на сегодня.

Ленинград, 15 сентября 1930

Всеволод смешной парень. Он мне все утверждает, что жить надо только для себя, не надо чувствовать жалость к люд<ям>, т<ак> к<ак> когда ты сам буде<шь> несчастный, никто не будет тебя жалеть. Мы с ним долго сидели и разговаривали. Выпили бутылку портвейн<а>. Вот человек способен пить. В любом количестве и не <пьянеет?>.

Удивительно глупый народ наш<и> студенты. Можно <провести> с ними целый день и ничего не узнаешь нового, а уйде<шь> с впечатлением, что потеряла целый день <...>.⁵⁰ Мы спорим, кто достоин носить название человека. Он говорит все, т<ак> к<ак> масса творит, а не отдельные личности. А я говорю, что есть гениальные умы, кот<орые>, собирая все до них знани<я>, факты, на этой основе способны найти, открыть что-нибудь нов<ое>, и именно эти люди ведут жизнь вперед.

Вообще с ними скучно. Наше строительство совершенно делает из люд<ей> машины, которые не способны ощущать свое личное «Я», все они являются детал<ями> машин<ы>.⁵¹

В магазинах все полки пустые. Вчера вчером [давали – *зачеркн.*] зашла посмотреть, что вообще можно купить, т<ак> к<ак> есть мне хотелось. Очередь огромная, спрашива<ю>, что дают. «К<о>пченая рыба, по книжкам<»>. <«>Сколько?<»> <«>Одн<у><»>. И кричат, особенно женщины. Ушла и <в> витрине увидела эти несколько<о> рыб<ок>, из-за которых народ был готов драться. Это потому, что все голодные, кот<орые> жела<ю>т хотя бы один раз поесть как следует. Вот, например, тетя Вера уже три дня стояла в очереди за мясом (1200 гр.) и все приходит домой с пустыми руками.⁵² И так у всех целый день пропадает. Все нервны больны,⁵³ раздражительные.

Вечер пошла купить ситн<ый> (?).⁵⁴ Меня все прика<зч>ики знают. Иду всегда без очереди, и Боже мой, как народ кричит.

Получила письмо от Миш<и>. ⁵⁵ Как будто дело его выход<ит> в Москве. Очень счастливая, что встретила<сь> с ним, он к<о> мне чудно относится. Буду спать. Мне надо готовить паровые котлы, а читаю Зееман «Мифологи<ю>». ⁵⁶

Хабаровск, 10 октября 1930

Me voilà à l'ouest [à l'est] au fin fond de la Russie<.> Qu'elle [quel] immense pays<!> 11 jours dans le train<,>des prairies<,> des petites forêts et les steppes sans fin. Quelques [quelques] heures dans le train sans voir aucune construction<,> aucun signe de vie autour<,> seulement les steppes brûlées l'été par le soleil et les continuelles [continuels] incendies et tout d'un coup le train relentit [ralentit] sans marcher vous entendez comme les freins retiennent les roues et arrêtent le train<.> Une ville 25 min. 35, 15 min. d'arrêts [arrêt]<.> Tout le monde courent [court] à la station avec l'espoir de trouver quelque chose à manger. Des oeufs<,> de la viande<,> aller vite dîner [dîner]<.> Deux coups de sonnettes et tous se jettent sur le train et lentement il reprend sa course à travers les steppes<,> la taïga [taïga]<.> Ainsi ont passé 11 jours et nuits<,> nous étions deux<,> Choura et moi. Lorsque nous avons passés [passé] le Байкал [Baïkal] la nuit, il faisait un splendide claire [clair] de lune<.> À gauche le lac<,> à droite les rochers<,> les montagnes<.> Notre coupé était sombre<,> nous avons éteint la lumière enlacée avec Choura<,> il parlait «C'est une minute heureuse que nous passons en ce moment<,> voilà ces minutes que nous espérons [espérons] et attendont et vivent [et attendons et vivons] pour elle<s><.> Et plus tard nous nous souviendrons cette nuit et peut-<=>être en pleurant. C'est beau, c'est grand<.> La ville<,> ses soucis<,> ses malheurs<,> tout est loin de nous<.> Nous passons le Baïkal [Baïkal]<,> une des merveilles du monde». Plus tard j'écrirai tous [toutes] mes impressions<,> tout ce que j'ai vu car maintenant il fait sombre dans ma chambre<,> l'électricité [l'électricité] ne brile [brille] pas<,> seulement une bougie<.>

J'ai un cafard formidable<,> je me sens amoureuse de Choura<,> c'est bête. Je sais que je suis sa femme mais lui ne m'aime pas<.> Il me l'a dit très distinctement aujourd'hui et lui appartenir à quoi bon sans amour.

ПЕРЕВОД:

Хабаровск, 10 октября 1930

Вот я на западе, ⁵⁷ в самой глубине России. Какая огромная страна – 11 дней в поезде, луга, перелески и бесконечные степи. Несколько часов в поезде, когда не видно ни одного строения, ни одного признака жизни вокруг, только степи, выжженные летним солнцем и бесконечными пожарами, и вдруг поезд замедляет ход, слышно, как тормоза сдерживают

колеса и останавливают поезд. В городе 25 мин., 35, 15 мин. стоянки, все бегут на станцию в надежде найти что-нибудь съестное, яйца, мясо, быстро пообедать, два звонка, и все бросаются к поезду, а он медленно возобновляет ход через степи и тайгу. Так прошло 11 дней и ночей. Мы были вдвоем: Шура⁵⁸ и я. Когда мы ехали мимо Байкала ночью, был чудесный лунный свет, слева озеро, справа скалы, горы. В купе было темно, мы потушили свет. Сидели с Шурой, обнявшись. Он говорил: «Это счастливый миг, вот на него мы надеемся, его ждем и живем ради него. Потом мы вспомним эту ночь, и, может быть, со слезами. Как прекрасно, величественно. Город, его заботы, его беды – все далеко от нас. Мы проезжаем Байкал, одно из чудес света». Позже запишу все свои впечатления, все, что видела, потому что сейчас темно в комнате, электричество не горит, только свечка.

У меня ужасная тоска, я чувствую, что влюблена в Шуру, это глупо. Я знаю, что я его жена, но он меня не любит, он мне это сказал очень ясно сегодня, и для чего принадлежать ему без любви.]

Зачем я стала жить с Шурой, но зачем я могу себе 1000 раз поставить этот вопрос и ответ не найду. Какие у нас могли бы быть прекрасные отношения с ним без этого. Разве я не знала еще в Ленинграде, что если я отдам ему, то это себе личные страдания нести и испортить все наше отношение. Но он мне нравится, с ним я забываю Вили. Да, Вили моя любовь, остался позади в тумане. Я сейчас знаю, что Шура для меня один существует. Но я совершенно не могу понять, как он ко мне относится. Мне кажется, что просто презирает меня. Для него я являюсь просто временное развлечение, а ведь если я бы не отдала ему, мы были бы прекрасные друзья. Мне с ним в Москве⁵⁹

Хабаровск, 18 октября 1930

Сейчас 4 часа дня. Через полчаса Шура придет с работы. У меня хорошее настроение, спокойна спокойна. Я привыкаю к Шуре. Это я почувствовала вчера. А он хороший, очень милый. Мне так хотелось бы, что у нас все хорошо пошло. Сейчас мне хочется писать, много писать, не задумываясь своими мыслями, но я лежу и мне неудобно. Сегодня днем лежала и читала Золя «Западня» и постепенно начала думать, вспомнила Jacqueline⁶⁰ и одну американку, которая сидела на⁶¹ автомобиле. Как она славно улыбалась и как у нее было радостное лицо, и мне стало тепло и приятно, и огромная жалость охватила меня. Почему я не могу быть такая же жизнерадостная и веселая. А Жаск. была славная девочка. Помню, как мы с ней вечером сидели в темноте и слушали тихую и далекую музыку. Мы сумели

взять Америк<у>.⁶² Было тихо-тихо. Мы обе лежали в пижам<ах> на пол<у>. Было много подуш<ек>. Ковер был мягкий. «Ясq, знаешь, ты согласилась бы поехать путешествовать вокруг света на десять лет<?>? Мы весь мир увидим, а все равно где и как жить, и раз есть возможность устроиться хорошо, почему нет<?>». «О да, я с удовольств<в>ием, но мама не согласится никогда». «<>Ничего, убежим, из-за это<го> задержк<и> не будет». И тут же в одну минуту решали самые фантастические вещи – где будем, как проедем. Потом тихий плач. «Родная, что с тобой? Чего плачешь?» «Эрик, я знаю, что ты меня не любишь, уед<е>шь без меня, оставишь меня одну, а мне так скучно, так скучно одно<й>, ты одна можешь понять меня». «Дорогая, ты знаешь, что я люблю тебя, знаешь, что я тоже одинокая, нет у меня никого, и сейчас ты единственный человек, с которым я дружу и <которому> доверяю. Всегда буду помогать тебе, а если мне действительно придется уехать, то это будет против моего желания. Но после опять приеду, буду все время писать, и ты должна знать, что у тебя есть друг».

<Это> было уже весной, <я> была уже близко знакома с Вилли, он приходил часто к нам в гости. Только что кончили играть один ге<й>м в теннис. У нас <у> все<х> тр<оих> был<о> прекрасное настроение.

Вилли обращается ко мне: «Дорогая, скоро эти прелес<т>ные дни конч<а>тся, мы будем так далеко, в жарк<ой> Африк<е> и будем <в>споминать» (мы с ним решили уехать осенью). Я шла под руку с Ясq., она сильно прижималась ко мне и говорил<а>: «а м<е>ня возьмете?». Я сразу согла<с>илась, а Вилли нет, и <у нее> медлен<н>о слезы потекли. Я успокоила ее, обняла, сказала, что поед<е>г. Вилли был недовольный, а я не могла представить, как я уеду счастлива<ая> с Вилли, а она останется одна, совсем одинокая в эт<ой> проклят<ой> Швейцарии. Я прекрасно понимала, что здесь она губит себя. Вечером она легла со мной, опять стала объяснять, как любит меня, что все ее мое, для меня она готов<а> на все, но только чтобы я не вышла замуж за Вили, что она не может смотреть, когда я с ним, так как в эти миинуты, я принадлеж<у> ему, а не е<й>.

И вот все это было, осталось далеко позади, месяцы прошли. Глупые, тяжелые дни, где для меня уже не существовало радост<и>, смех<а>. Казалось, что все все прошло, что я уже стара, и жизнь прошла. Действительно, все юные мечты были горько разбит<ы> в борьбе с жизнью. Эт<их> чудн<ых> дней, которые я провела с Ясq. и с Вилли, их уже не вернуть. Тогда я ни о чем не думала, так слепо отдавалась это<му> счастье<ю>. Было красиво и светло.

Вдруг встретила Шур<у>. Здесь мне уже трудн<ее> понимать и разбирать, с Вилли было просто, чистая и юная любовь. Когда я его перв<ый> раз увидела, он сидел в столов<ой>, и я прошла. Мало <ли> кто может здесь сидеть.

Потом он мне дал папиросы, и м<e>ня удивило, что в настоящ<ee> время кто-<то>⁶³ не жалеет так много их давать. Я помню, как я смеялась, когда Леля⁶⁴ принесла мне их. Но а потом встретила его на улиц<e>, сначала не узнала, а когда прошла, подумала, что этот самый, который мне дал папиросы...

Шура пришел с работы, оторвал м<e>ня. Сейчас уже 9 ч. Он пошел на собрани<e>. По кроват<i>и> у меня тараканы ползуют. Фу... Противно. <В>стала, оделась, хотела пойти хлеб купить. Закрыто. Нигде ничего нет. Но ладно об этом по<с>ле напишу....

Так этот тот, который мне папиросы давал, и сразу забыла.

Потом пришла снова к Леле, позвонила к Сереже, чтобы он пришел, настроение у меня было бойкое, мне чего-то хотелось еще. Предложила Леле поехать куда-нибудь вдвоем, но и решила, пока Сережа зайдет, поехать за граммофон<ом>, ведь Леля никогда и не слышала его. Привезла и стала играть, а в другой комнате сидел<a> компани<я>, и оказалось, что граммофон переташили в столовую и танцевали. И после Шура мне сказал, что уезжает на Дальний Восток, что у него есть броня на два человека, хочу – могу поехать. Н<i>и> одн<ой> минуты не зад<у>мала<сь> и сразу согла<с>илась. Рядом сидел еще один молодой парень Женя, который тоже хотел ехать, но я запро<те>ствовала, сказав, что я еду, и вообще получилось так, что женщин<ы> отступают всегда. В<есь> этот разговор имел шуточный тон.

Потом узнала, что Шура инженер и может мне объяснить, как произвести расчет фермы.⁶⁵ Я тут же сразу обрадовалась, а то днем я поговорила с братом Лел<i>и>, что он может мне это объяснить, но только через несколько дней, а мне это надо было знать как можно скорей.

Стал он мне объяснять сначала расчет простой балки, потом фермы. Здесь уже было сложнее, но ничего. По его заключительн<ым> слов<ам> я пон<я>ла, что если узнаешь поперечный разрез, то можно рассчитать.

«Но как, едем?». – «Едем».

Пошли обедать, стали разговаривать, как и что надо сделать. Все было решено. Я была вдохновлена, мне не верилось, что все это так просто и так быстро. Мне Шура сразу стал нравиться, ведь так<их> люд<ей> мало, почти их нет (до него я еще никого не знала).

Пустые слова каждый сумеет говорить, ничего они не стоят, но провести их в жизнь, то тут видно, как<ие> все трусы, ничтожны<е>. И вот Шура он мне такие план<ы> рассказывал, и я сижу, сл<у>шаю его и улыбаюсь. <Я> чувствовал<a>, как у меня все внутри радовалось «а может быть действительно так и будет». Я так хотела найти друг<a>, товарищ<a>, который бы ничего не боялся, решительн<ого>. И мне все время припомнилось Шура Фарушев. Почему он не такой? так как я с ним была дружна с перв<ого> дн<я> приезда в Росси<ю>, но он боится рещ<i>и>ть-

ся на что-нибудь. Но ладно. Пришли домой, т. е. к Лел<е>, а Шура ухотил. Мне совсем не хотелось рас<с>ста<ва>ться с ним. (Даже у нас с ним был разговор насчет этого не так давно.<.>) Он говорил, что если мы бы вместе провели вечер, пошли бы на крыш<у>, то я ему бы отдала<сь> <в> тот же вечер, а я говорю, что сомневаюсь, что так. Во-первых, потому, что если я не хотела расста<ва>ться с ним, это только потому, что мне хотелось говорить с ним, а как мужчина – <у> мен<я> даже и не было мысли, и вообще я бы не согла<с>илась, т<ак> к<ак> я была слишком сильно охвачена другими мыслями, а отда<т>ься я бы не отдала<сь>.

Уехал он в Ростов, все сговорились, когда встретимся в Москве.

Вечером ра<сс>казала Лел<е> мои планы. Я была счастливая, что уезжаю далеко-далеко, а то у меня был<о> слишком уби<й>ственное настроение при мысли, что через несколько дней начнут<ся> занятия и что я не в состояни<и> заниматься. Это меня угнетало. Как стала знакома с Миш<ей>, то я себ<я> очень скверн<о> чувствовала, он мне нервы истрепал, целый день проходил глупо и нервно, и я прекрасно знала, что мне надо еще сдать зачеты, но как только открывала книгу, голова была тяжелая, мысли далеко-далеко улетали, и никак не могла заставить прочитать одну фразу и понять ее. Я приходила в о<т>ча<я>н<ие>, ходила к доктор<у>, но все равно я знала, что заниматься я не могу, газет читала по 10 раз одну и ту же фразу и все равно не понимала. И конечно я была рада, что вдруг я уеду <из> наш<ей> сумасшедш<ей> квартир<ы>, не услышу больше наш<их> скандалов, плач<а>, крик<а> и руган<и>, уеду от гряз<и>, котор<ая> охват<ыв>ает всю квартиру. Уеду от Жуковск<ого>, котор<ого> я больше видеть не могла, с его дики<ми> сумасшедш<ими> фразами и выходк<ами>.

Леля улыбалась, слушая меня. Она уже меня знает с 1926 г. и конечно уже пон<я>ла, на что я способн<а>, но что я все равно, «ты молода, у тебя будет перемен<а>, это тебе необходимо, я только рада эт<ому> и особенно, что ты решила порвать с Ж., он бы тебе кошмарн<ую> жизнь устроил. А Шура славный мальчик, добрый, честный, и он, сам<ое> главн<ое>, нормальный, а то ты все время живешь между сумасшедш<ими>. Конечно, поезжай, но мне как-то не верится, что ты поедешь». Я засмеялась. «Но что ты, Леля, ведь ты знаешь меня. Раз я решила, то уж никто не удержит, я сейчас уже живу этим». «Но смотри. А как<ие> твои отношен<ия> с Шурой<?>». «Я уже с ним говорила насчет этого. Он соглашает<ся> поехать со мной как с товарищ<ем>, что я могу быть спокойна». А Леля говорит: «И вообще это уж не так страшно, ты не думай, что он к тебе не пристанет, это обязательно будет. Сам<ое> главн<ое>, смотри, чтобы он не был болен, а все остальное это просто жизнь. Смотри, как я хорошо живу с Ильюшей». И тут я почувствовала в первый раз, как меня охватило странное чувство. Я смотрела на это вполне

спокойно и почувствовала, что это должно быть. Но мы с ней еще долго разговаривали.

Забыла о Шуре до наш<ей> встречи в Москве. Каждый день танцевала, время мигом пролетело, все сво<и> дел<a> сдалал<a>, но м<е>ня все время беспокоил<a> мысль. Вдруг приеду в Москв<у> и там окажется, что дальше никуда не поеду. Для меня это было страшно, т<ак> к<ак> я уже жила тем, что уезжаю на восток. Мне бы предложили тотчас уехать бы за границу, я бы не поехала. А ведь мама мне обещал<a>, что, как только вернется <из> санатория, она поедет в Москву и будет хлопотать об отъезде за границу, т. е. это через два-три месяц<a>.

Но здесь Д. В. моя мечта (конечно, сейчас раз я уже на Востоке, я бы с удовольствием уехала бы еще подальше за границу).

Хабаровск, 22 октября 1930

Вчера ровно месяц, как мы говорили в Ленинграде о наш<ем> путешествии<и> на Д.В. Шура <в>споминал об этом, а я бы совсем даже и не думала.

<...>

Шура ушел утром, оставил мне три папиросы, докуриваю последнюю, а сейчас три часа дня. Только что кончила читать «Западно».⁶⁶ Впечатление очень сильн<ое>. Завтра начинаю сер<ь>езно заниматься.

Были в театре на днях. Шло «Что говорит Большевик».⁶⁷ Театр сам по себе отвратительный. Узкие лес<т>ницы, народ<a> масс<у> здесь встретишь, запах.⁶⁸ Я себя сначала очень скверно чувствовала, пришла одета в белом, без рукав<ов>, и просто не знала, куда деть себя, что делать <со> свои<ми> рука<ми>. Мне пить захотелось и сказала Шур<е>, а он ворчит: «Не могла напиться дома. Нельзя никуда <с>ходить, без того, чтобы ты что-нибудь <не> натворила» (меня сейчас смех <раз>бирает, и вообще это первый раз как мы ходили куда-нибудь вдвоем). Напилась прямо руками, и когда я наклонивш<ись> пила воду, один парнишка стал крестить меня.

<С>начал<a> выходим в зал, самый обыкновенный зал для кино. На пол все-таки постелен ковер, но все <о него> спотыкаются и, конечно, лучше бы убрали его совсем. Выходит на сцен<у> мужчина, об<ь>я<с>-няет значение пьесы. Как должны вести себя муж и жена, говорил о ра<с>крепощении женщин. Смотрю на Шур<у>, он мне до того показался смешн<ым>, что засмеялась: <нрзб.> рука держит подбородок и глаза смотрят <в>верх.

Первый акт очень мило и благополучно прошел. Мы уже решили очень часто посещать театр. Каждый раз, когда будет что-нибудь новое,

чтобы не <отставать> от культурн<ой> жизн<и> и т. д. Второй акт нач<а>лся, и как раз в тот момент, когда женщина упрекает мужчин в том, что они все поглащен<ы> соц. строительством, не думают о любви, а она бедная страдает 9 месяц<ев>...бах свет потух. Пожарный хотел за<ж>ечь фонарик, но почему-то, очень долго и старательно напрягая все усилия, ничего не мог сделать. В это время актеры не теряли врем<ени>, нашли керосин<овую> лампочк<у> и поставили ее на столе на сцене. Все это было так славно, что Шура все время твердил «Прямо по-семейно<му>, прямо по-семейно<му><>>». Игра опять нач<а>лась. Мужчина уже рассердился [и очень]⁶⁹ или разнервничал<ся> и по вс<ей> сцене бросал большой мяч... и кто-то решил, что «гражда<ни>, сид<и>те смирно, свет скоро будет», <и> игра <прекратилась>. Лампочк<у> керосин<овую> унесли, остался гореть один фонарик. Невольно я <в>спомнила шикарные театры цирка-варьете за границ<ей>, перепол<нен>ные светом и все<х> их посетител<ей> перенес<т>и <бы> сюда.

Ждали-ждали, уходит<ь> жалко, ведь вещь неплохая, особенно хорошо играл один рабочий, но скучно и спать захочется в этой темноте, и лучше пойти домой и там спокойно читать.

Вчера вечером пошла к Инвалиду купить Шур<е> икр<ы>. Прихожу – дверь закрыта, и перед ней народ стоит, стуч<а>т <в> окно, <в> дверь, чтобы открыли. Один говорит громко сво<ему> приятелю: «Слушай, ты не любишь жирн<ое>, ты бы пошел в Ц.Р.К.,⁷⁰ а то здесь масло <нрзб.> (навалено?)» и кругом общий смех.

Икры не было, только одн<и> бутербро<ды> с колбасой из конин<ы> да винегрет. 4 часа. Надо мне сходит<ь> за обед<ом>. Леня ужасная, но ничего.

От мамы нет ничего. Вообще из дома. Тоже то же само<е>. Мне интересно знать, как мама отнеслас<ь> к моем<у> отъезд<у>. Надеюсь, что спокойно.

Хабаровск, 23 октября 1930

Погода прекрасная, мне грустно и так скучно. Хотя бы снег пошел. Не люблю такие солнечные дн<и>, становится скучно. Как мне сейчас. Чего-то хочется, а что не знаю, но сердце болит, <за>плакать бы, чтобы успокоить его. Вили, Вили – вот причин<а>. Где он<?> Что делает<?> Все кончено, навсегда. Никогда больше не вернуть эти дн<и> любви. Боже, их так мало было, можно их сосчитать. Помню все, каждое слово, каждое движение, как будто все это было вчера. Не могу забыть. Рана свежая, <из> нее все еще кровь течет.

Забить, хочу забыть, но как?

Уехала бы далеко-далеко на лошади. Он<а> бы нес<ла> меня без остановки⁷¹ Я бы н<и> о чем не думала,⁷² мысли остались бы позади, и я бы все летела вперед вперед, покрывая огромн<ое> пространство. Я бы не чувствовала время, ничего <бы> не существовало, только скорость, опьянение от <нее>.

И мне сейчас надо идти в бол<ь>ницу, но не могу, не хочу.

Je veux la liberté complète. Je veux être comme l'oiseau libre que je puisse m'envoler où je voudrai. Parcourir [ПЕРЕВОД: Я хочу полной свободы. Я хочу быть как свободная птица, чтобы я могла улететь, куда захочу. Пролетать]

Пробежать все пространство, чтобы никто не задержал меня. Нет желани<я> ни к чему, все слишком гру<с>тно и скучно, я задыхаюсь.

Нет, не стоит писать, настроение слишком подавлен<н>о<е>, убитое. Я плачу. А Вили дал мне самые счас<т>ливые минуты в жизн<и>, те минуты, когда я ни о чем не думала, вся была поглощена любовью. Мне это было ясно ясно – любила, а сейчас ничего не понимаю. Я грустна, всё о чем-то думаю, сердце болит. Ничего не могу делать, мне все что-то мешает, не дает поко<я>.

Chéri adoré<,>

Oh combien je t'aime<!> Je suis à toi pour toujours<,> toujours<,> Je mourrai et mes dernières pensées seront pour toi. Mourir c'est la fin de tout<,> c'est le complèt oublié [complet oublié]<,> le repos éternelle [éternel]. Mon âme se calmera je n'existerais [existerai] plus. Combien de douleur<,> d'angoisse<,> d'amertume de <нрзб.> je resens [ressens] en moi. Comme je souffre et une année a passé. Une année pénible<,> si triste où je ne pouvais pas effacer ta présence dans ma mémoire. Et la pensée de passer encore dans cet état cet année [cette année]<,> l'année prochaine, un nombre infinisable de jours m'étourdit, m'apeur<e><.> Non<,> non<,> je ne veux pas. Je te veux<,> tu es à moi<,> tu m'appartiens. Je t'aime<,> je t'aime<,> c'est le cri de mon coeur angoissé, brisé par l'amour, l'espoir d'être aimée<,> de te revoir.

Encore une fois te revoir<,> savoir que tu es là<,> tout près de moi<,> ça serait la délivrance<,> mes liens se casseront d'un coup<,> alors je pourrai rire<,> m'amuser<,> aimer la vie<,> vivre pour la vie car elle doit être belle<,> grande<,> forte mais maintenant c'est l' <нрзб.> de tout sentiments [sentiment] rien n'existent [rien n'existe]. La profonde et sombre nuit qui m'entoure depuis une année<,> pas une lumière, pas une étoile. Je vais en tatonnant la terre<,> un creux, ce ravin et je tombe. L'horreur d'être au fond<,> en bas<,> où il fait encore plus sombre, plus terrible<.> Tout ici est inconnu<,> la peur me fait beau reprendre un peu de force et lentement abattre<,> reprendre ma route pour retomber denouveau [de nouveau]. Lorsque ma <нрзб.> est trop grande<,> je me hâte<,> je ne pense à rien, je marche en fermant les yeux et au bout de quelques temps [quelque temps]<,>

je sens ma chute sans pouvoir la retenir, plus tôt [plutôt] sans vouloir<,> tout me pousse à tomber. Lorsque tu lira[s] ces pages<,> oh mon amour<,> tu me méprisera<s> <,> tu ne comprendras pas ma souffrance<,> mais tout m'est égal<.> Si tu le liras<,> tu seras près de moi et je ne veux rien<,> absolument rien<.> Te voir près<,> tout près de moi<,> entendre ta voix, tes paroles<,> sentir ton souf<f>le qui m'enivrera <,> je m'abandonnerai et les larmes lentement couleront sur mes joues<,> m'inonderont<,> mon coeur se détachera et je serai heureuse<,> heureuse et libre<,> libre de tout<,> ma vie sera finie. Je suis bien<,> très bien<.> Des lieues et des lieues me séparent de toi<,> un immense espace<,> mais tu es là<,> avec moi<,> toujours je te sens dans moi<.>

On n'aime qu'une fois. Une seule fois<.> Et cette journée à l'orient, le soleil qui inonde la ville m'ont fait cruellement res<s>entir ma douleur<,> ma plaie et profonde<,> iguerisable [inguérissable]<.>

Adieu<.>

ПЕРЕВОД:

Обожаемый возлюбленный,

как я люблю тебя! Я твоя навсегда, навсегда. Я умру, и мои последние мысли будут о тебе. Умереть – это конец всего, это полное забвение, вечный покой. Моя душа успокоится, меня больше не будет. Сколько боли, тревоги, горечи, бессилия (?) я чувствую внутри себя. Как я страдаю, а год прошел. Тяжелый год, такой печальный, за который я не смогла стереть твое присутствие в моей памяти. И мысль о том, что надо будет провести в таком состоянии этот год, следующий год, бесконечное количество дней, не дает мне покоя, пугает меня, нет, нет, не хочу. Я хочу тебя, ты – мой, ты принадлежишь мне. Я люблю тебя, я люблю тебя, это крик моего встревоженного сердца, сердца, разбитого любовью, надежда быть любимой, увидеть тебя, еще раз увидеть тебя, знать, что ты тут, рядом со мной. Это было бы освобождением, мои оковы разобьются, и тогда я смогу смеяться, развлекаться, любить жизнь, жить ради жизни, потому что она должна быть прекрасной, яркой, значительной, но сейчас это <нрзб.> всякого чувства, нет ничего. Глубокая и темная ночь меня окружает вот уже целый год – ни проблеска света, ни звезды. Я ошупью иду по земле, впадина, лощина, и я падаю. Жутко оказаться внизу, в глубине, где еще темнее, еще страшнее, все здесь незнакомо, и хоть страх придает мне немного сил, он постепенно ослабляет меня, заставляет продолжить путь, а потом – новое падение. Когда моя <нрзб.> слишком велика, я спешу, ни о чем не думаю, иду, закрыв глаза, и через некоторое время я чувствую, что падаю, и я не могу, а вернее, не хочу сдерживать падение, все подталкивает меня к тому, чтобы упасть. Когда ты

прочтешь эти страницы, о, любовь моя, ты станешь презирать меня, ты не поймешь моего страдания, но мне все равно. Если ты это прочтешь, ты будешь рядом со мной, и я совершенно ничего не хочу. Видеть тебя рядом со мной, слышать твой голос, твои слова, чувствовать твоё дыхание, которое будет пьянить меня, напряжение спадет, и слезы медленно потекут по моим щекам, я зальюсь слезами, мое сердце освободится, и я стану счастлива, счастлива и свободна, свободна от всего, моя жизнь будет кончена. Со мной все хорошо, очень хорошо, километры и километры отделяют меня от тебя, огромное расстояние, но ты со мной всегда, я тебя чувствую в себе.

Любят только однажды. Единственный раз. И этот день на Востоке, солнце, заливающее город, заставили меня жестоко прочувствовать боль. Моя рана глубока и неизлечима.

Прощай.

Хабаровск, 7 ноября 1930

Великий праздник, котор^{ый} заменил те дв^а больш^{их} миров^{ых} – Рож^дество и Пасх^у. Что лучше[?] Конечно, эти два последние. Может быть, это лишь мне так кажется, так как сегодня я себя чувствую одинок^{ой}. Меня окружает толпа, целый народ, кот^{орый} я понять не могу. Между ними и мной лежит пропасть. Я их вижу, но не чувствую, я их слышу, но не понимаю, и между ними я теряюсь, хочется уйти далеко. Меня удивляет, они все, как од^{ин}, <вы>ходят на улиц^у, шагают по главной улице, но если <подойти> к каждому из них по отдельности и спросить, зачем ты ходишь, – <<Надо, иначе не удобно>>. – <<А тебе этого очень хочется[?]>>. – <<Лучше дома бы сидел>>. Но взять их вместе, они тогда ответят с <э>нту^зиазм^{ом}: <<Наш праздник, все как од^{ин}, вый^{дем} на улиц^у, встрети^м его с радост^{ью}, долой рождество>>. И вот это обман, кот^{орый} захватывает цел^{ую} стран^у, мне не понятный и зачем, когда как каждый ясно чувствует, что его заставляют и он не смеет сопротивляться. Где воля, свобода? Я никогда никогда не смогу согла^{си}ться с тем, что больше у нас не существует человек сам по себе, что он машин^а, даже не машин^а, а лишь маленькая часть. Он не может ни думать, ни двиг^{аться}, им управля^ют, и он подчиняет^{ся}.

Нет, это ложь.⁷³

И конечно лучше те дв^а больш^{их} праздник^а, когда <у> всех, как у одного, есть чувство, что сегодня радостно, все верят в эт^о, каждый забывает в эт^и дн^и и горе, и печаль. Вы можете читать на лиц^{ах} <у> всех. Сегодня праздник, смотри, как я весел, как жизнь пре-крас^а, как мне тепло.

Я наверно беременна. У меня будет свой маленький ребенок и мне приятно. Просила маму приехать сюда на месяц. Мне интересно знать, как она относилась к моему отъезду.

С Шурой у нас замечательные отношения, ссоримся часто, мне, конечно, этого совсем не хочется, но так получается.⁷⁴ Но это, конечно, временное явление, так как в мире не существует постоянств и все изменяется, и я спокойно смотрю на это. Но он нервный и я нервная, он упрямый и я упряма (я уже знаю, если он будет читать <дневник>, то что он упрямый, он начнет это отрицать, но я имею опыт и из <него> делаю заключение). Мне одна черта у него ужасно действует на нервы. Он любит хвастаться своими знаниями. Он делает умный вид, читает книгу, и его лицо выражает «вот какой я умный, способный, все понимаю».

Вчера вечером я готова была убить его, он читал вслух «Мосты» (?). Я сижу и не понимаю. Это он прекрасно знает, продолжает читать, смотрит рисунки, а потом заявляет: «Мне здесь читать нечего». Но потом соглашлся объяснить мне <незнакомые> слова и что они значат. Но он так поступил. Берет все слова подряд и читает мне их, как будто я понимаю. Мне злость взяла. «Шура, я не могу с тобой так заниматься, объясни мне что за слова», а он меня убеждает, что я должна их сначала читать хотя бы 5 раз, а потом, когда они будут записаны в памяти, узнать, что они значат. Я говорю, объясни, покажи сначала, и когда я встречу с этим словом, я сразу вспомню рисунок, тогда я запомню.

Он странный. Если ему кажется, что это хорошо, если сделать так и так, то и я должна так же делать, и это мне больше всего раздражает. Но ничего, и это пройдет.

Сегодня погода прекрасная. На дворе снег и солнце блестит. Прямо Швейцария. Сегодня буду заниматься целый день, надо подтянуть себя к занятию, а как мне хочется покататься верхом. Мне обидно и жаль, что хочу что-нибудь, и этого нет. Но скоро можно будет кататься на конках, я обожаю спорт, движение тела.⁷⁵

Надоело писать, буду заниматься. А мне скучно целый день одна среди масс чужих людей. Хоть бы мама поскорее приехала бы. Мне с ней будет хорошо заниматься.

18-е или 19-е никак не могу понять.⁷⁶ Дневник приходит к концу. И в нем будут описаны два красивых романа, те дни, когда я была счастливая.⁷⁷ Что дальше ожидает? Вчера вечером наши отношения с Шурой были прекрасные. Он еще мальчишка, что ему 24 год, но <он> большой большой молодец, и я знаю, что я его очень люблю.

Вот и говорили. Рассказывал, как он учил Дор<у>(?) бить морду (выражение не эстетичное, но лучше не могу найти) те<м> мужчин<ам>, кот<орые> хотят ее целовать. Где мы будем ровно через год? Сколько еще ожидает нас новост<ей> впереди, именно за этот год? А ведь срок короткий. Наша кривая идет круто вверх, <вышли?>⁷⁸ из худшего и дойдем до сам<ого> наилучшего. Конечно, так и будет. Сегодня у меня настроение хорошее. Невольно <в>споминаю фр<а><з>у Шур<ы>: «Не говори себе, что ты не можешь заниматься, наоборот, могу, но просто не хочу». Простая вещь, <до> кот<орой> я не могла додуматься.

<...>

Жизнь здесь все та же унылая. Погода прекрасная – снег, лед и солнце.⁷⁹ Через два дня каток открывается. Буду там целый день кататься. На<у>чу<сь> хорошо кататься и приеду в Ленинград, куплю себе беговые <коньки> и буду участвовать в соре<в>новани<ях>. Поеду в Швейцарию и рекорд поб<ь>ю в женск<ой> команд<е> Вот хорошо. Мне уже хочется, чтобы сегодня каток был открыт. Потом буду на лошади кататься и, может, буду участвовать в соревновани<и>. Ведь я могла бы, если хорошо тренировать<ся>, поступить в цирк, там хорошо как катаются. Но чепуху пишу. Лучше закро<ю> книгу.

Хабаровск, 24 ноября 1930

Вчера получила письмо от Жуковско<го>. Он пишет: <<>Теперь о твоей семье. Я часто бывал у Вас, т<ак> к<ак> думал, что ты напишешь, может быть, хоть домой. Во всяком случае, если ты по приезде не покажешься на Старорусск<ой>, то сделаешь хорошо, т<ак> к<ак> М<ария> Алекс<андровна> заявила, что она вычеркнула тебя из памяти и ничего о тебе не хочет знать. Не думаю, чтобы это было особенно большим уроком. Комната твоя кому-то сдается или сдана, хорошо не знаю. Какая-то мамаша с дочерью. Только Вера Алекс<андровна> тебя жалеет и тебя <в>споминает. Были два письма из Германии. Вот и все<>>.

Я ничего не могу сказать, кроме того, что обидно, обидно за мать. Ох, больно. И сейчас хочу отомстить за все, за все, что было. Никогда я еще так сильно <не> ненавидела ее, как сейчас. Она мне много кров<и> испортила и сейчас опять разбила все мои планы. Мне было так хорошо с Шурой, и сейчас и это кончено. Что со мной происходи<ло>, не знаю точно. Но когда я получила письмо, я была убита, сил не было, не помню, как дошла до дома. И вдруг мне стало страшно при мысли о России и <за>хотелось бежать, далеко уехать из России, что не смогу прожить ни один день спокойн<о> в Хабаровск<е>.

Раньше я была уверена, что все равно так и так поеду туда, и один день лишний здесь м<е>ня не трогало(?) А сейчас, может быть, на всю

жизнь я должна буду здесь остаться, и я с этим не прим<и>рюсь. Вот сегодня, сейчас, утром предстоит мне быть одн<ой> целый день, одн<ой> со своими мыслями, и я не в силе. Хочется переменить. И мои дальне<й>ш<и>е отношени<я> с Шур<ой> меня будут угнетать, как бы еще больше привязывая меня здесь, и я боюсь. Прямо заявляю, что мне страшно. Сегодня подам телеграмм<у> Миш<е>. Пускай вышлет мне деньги на обратную дорогу. Приеду в Ленинград, там увижу, как и что. К Шуре у меня самые теплые отношени<я>. Я бы очень, очень хотела, чтобы вместе с ним уехать за границу.

Хабаровск, 28 ноября 1930

Все утро у меня какое-то неприятное чувство к Шуре. (Не знаю, куда исчезл<о> мое вечное перо, а др<угим> не умею писать.) Вот нашла. Да!.. Мне сразу три вещи не понравились. Когда мы должны были пойти на вечер к Нине, я душилась, а он говорит: «Душишься, а меня нет». И по дороге прибавил. «Тебе жаль дать было духи, ты могла так рук<ой> проводить по спине и надушить меня». Мне стало неприятно, моментально <в>спомнила Вили, кот<орый> никогда не душился. Как это так – мужчина душился. Мне они напоминают эт<у> куклу, франт, хорошо нама<з>ана. До сих пор не могу забыть. Потом на вечер<е> он ушел с Лел<ей>⁸⁰ гулять. Я пошла в др<угую> комнату с ребятами. Все были <п<ь>яны?>, пели, смеялись, а потом думаю, почему Шуры так долго нет. Пошла в др<угую> комнат<у>, там сидела хозяйка и еще одна особа, чай пила. И они начинают намекать мне, что Шура гуляет с Лел<ей>, и посоветовали идти домой. Ждала, и все нет, и ушла домой. Шура догнал и дома сказал: «Я ее не целовал, она м<е>ня целовала в щеки, когда танцевали, а я ее не целовал. Хотела, чтобы я ее взял, так прижималась ко мне». И тут мне противно, противно. Никто не убедит меня, что он ее не целовал, это я никогда не поверю. Быть пьян<ым> и идти <в>двоем с одн<ой> девочк<ой> и не целовать. А почему у него не хватает смелости это сказать<?> А сам говорил, что я ему изменяю, и у меня не хватает смелости сказать. Не то, что <не> изменяю, не целую<сь> ни с кем, и я не могла перенести, чтобы кто-нибудь целовал меня. Ведь разница маленькая, что он целовал, что она.

Но ладно об этом. Мне еще противн<а> та голая женщина. Лучше я бы эти фотографии никогда не видела, и почему-то все его знакомы<е> женщин<ы> напоминают проститут<ок>. Не люблю я так<их> женщин. Мне только одна нравится, это как будто Таня. А почему он мне наврал, сказав, что взял ее невинн<ой>. Ведь я прекрасно знаю, знаю, что это не так. И еще много много др<угих> маленьк<их> факт<ов>. Как он любит, чтобы за н<им> ухаживали, и вот не знаю почему, но он когда ра<с>це-

лует и просит что-нибудь, он напоминает мне женщину, и мне становится так неприятно, ужасно противно. Я ему все это никогда не говорила и не писала, но сегодня утром сердце полное.

Сегодня получила от Миш<и> телеграмм<у>. <«>Бессилена помочь, выкручивайся сама, мама в Батуми<»>. Молодец парень, уж не такой он <и> глуп<ый>, но никогда не прошу эт<ой> телеграмм<ы>.

Как я бы с удовольствием уехала. Но действительно мне надо деньги добыть, а для этого придется или продать вещи, или поработать 2–3 месяц<а>. Завтра еду в Тихонку.⁸¹

Вчера вечер<ом> мне было очень очень скучно, плакала. Когда наконец перестану плакать. Но я сознавала, что Шур<у> я не люблю. Все это было обман, и первые дн<и> мне показалось, что я могу его любить, что Вили забуду, но это далеко не так. К Шуре меня держит лишь одна привычка, т<ак> к<ак> мне кажется, что я с ним так давно живу. Я знаю, что могу уехать и жалеть не буду, т. е. мы просто не подходим др<уг> др<угу> как мужчина и женщина. Нам <в>двоем было бы хорошо лишь товарищам<и>, и я ему сама сказала, что я его люблю, как брат<а>, и это все сильнее и сильнее.

Действительно, хочется одного, – получается другое. С ним хорошо <нрзб.>, а жить нет. Я перечитала страницы, написанны<е> мною в Швейцарии, и сердце сжимает<ся> – год и три месяц<а> разлука продолжается, и наверно<е>, еще долго долго это будет. Когда-нибудь встречу<сь> с Вили. Что у нас будет<?> Как мы будем относиться др<уг> <к> др<угу>? Я знаю, что я его люблю сегодня так же сильно, как и в Швейцарии, но я сильно изменила ему, т. е. лишь телом, а так я его⁸² ... А он, я уже знаю, что он тоже изменил.

Помню, когда я его видела последний раз в больнице.⁸³ О, эта картина так ясна в моей памяти, как будто только вчера это совершилось. Как я стояла около стен<ы>, как мне хотелось плакать, кричать: «Вили, не уходи», и как он плакал и говорил: «Эрик, хочу еще быть с тобой». А я стою, он уже вышел⁸⁴. Ломаю себе руки, чтобы не плакать. Вернулся. «Вили, уходи, уходи, не могу больше», и дверь закрылась. И как я после каталась по пол<у>, так плакала, ведь это чувство меня не обманул<о>, – это было последни<й> раз, и так целый день умоляла всех дать мне еще раз увидеть его на минутку, обещали – вечером, а потом заявили: сегодня уе<з>жа<е>те. Я совсем обезумела, все плакала. Сам доктор не мог спокойн<о> говорить, голос дрожал у него. И когда он положил мне руку на плечо и сказал: «Не надо, Вы его еще увидите, а сейчас разлука это необходимо». Доктор, ненавижу Вас, Вы меня обманули. И сейчас жизнь разбита, разбита. В Росси<ю> уехать – это значит больше никогда не увидеть его. Вечер<ом> весь город объехала, знала, что Вили здесь близко близко, и не могу его увидеть. Ох, больно, больно.

А сейчас, что слишком сильно перенесла все это. Так сильно изменилась. Такая скучная. Всякие мелоч<и> напомина<ю>т мне его, и мне сразу больно. И это безразличие ко всему всему, что бы <там> ни случилось. Но довольно, а то только себя рас<с>траиваю.⁸⁵

Хабаровск, вокзал. 29 ноября 1930

Вот уже 3 ч. сижу на вокзале, а сейчас 9 ч., для того, чтобы я могла поехать в Тихонку,⁸⁶ центр Биро-Биджан<ского> кра<я>, который по постановлени<ю> президиума ЦИКв 28 / III 28 г. был закреплен за Комзетом,⁸⁷ а 23 апр<е>л<я> 1929 г. был<и> окончательно принят<ы> президиумом Д.В. Крайисполкомом границы Биробиджан<а>. Но ладно, все это напишу в др<угом> мест<е>. Пробыла там до 3. Все время я скучала без Шур<ы>. Днем еще не так сил<ь>но, т<ак> к<ак> новые впечатлени<я>, езда <на> санях, тайга, все это увлекало мои мысли, но ночь<ю> было мне скучно. Жила мысл<ями> в Хабаровске. Как встретимся<?> Как наше решение<?> В поезде, на обратном <пути>, где, между прочим, ехали целый день, <т>огда как всего можно доехать за 3–4 ч., я не переставая думала о нем...⁸⁸

Ах Боже н<е> одн<о>, т<ак> друг<о>⁸⁹

С Шурой сначала сильно поссорились, и он потребовал, чтобы мы расстались.⁹⁰ Я не хотела, очень очень не хотела, доказывала ему, что это глупо и будет тяжело...

Расстались, и я сразу отошла от него, чувствую, как я далеко ушла от него и больше не вернусь, и как-то сразу нашла странную⁹¹ жизнь. Знакомы<х> в один день стал<о> <много>.⁹² Я была довольная, зачем мне быть сама <с> собой и думать, страдать. Я знаю, что это для меня будет расставание с Шурой.

С Вили я под<да>лась страдани<ю>, а с Шурой этого не будет.

Станный случай. Встретила<сь> с одн<им> человек<ом>, кот<о>-рого здесь все считают <нрзб.>, аферист<ом> и т. д., т. д. В один день он решил жениться на мне, вместе ехать во Владивосток, Москву, Констан<н>тинополь.

Жить с ним пока условились не буду.

Вообще в<ес>ь разговор не буду записывать, но я решила обмануть его, поехать и после удрат<ь>. Сегодня была у него.

Я много думал о Вас, ехать так с Вами <с> мо<ей> сторон<ы> будет не легко(?). Вечер, вып<ь>ем (?), <ночь> наш<а>, а после Вы мне скажете «А Вы меня обманули». Я этого не хочу. Я хочу, чтобы мо<е> отношение к Вам был<о> <без>упречн<о>.⁹³ Не хочу <выглядеть> в Ваши<х> глаза<х>,⁹⁴ что я обманул Вас. И вот сейчас надо реш<и>ть.

Я буду Вас окружать ласк<ой>. (то, <о> <чем> Вы не <и>меете понятия<я>), тепл<ом>. Все время только с Вами. Вы забуд<е>те о<бо> вс<ем>. Я постараюсь так много сделать, и Вам будет хорошо.

Я ему доказываю, что для меня это риск. И я уверена на 99 %, что мне будет тяжело. Что, может быть, первые дн<и> будет действительно не плохо, но потом м<е>ня это будет угнетать.

Жить не буду.

<В>стала, ухожу,⁹⁵ а сердце сжимает<ся>. Невольно. Человек видно будет к тебе хорошо относиться. То, что он мог бы меня обмануть, я <э>то<му> не верю. Даю голову, что нет.

Никогда не встретимся. Почему, не знаю, но один раз, имея отношения с Шурой, я <в>спомнила его. И что, если он был бы здесь со мной, я бы ему отдала<сь>. Странно и глупо.

Все кончено.

Познакомилась с военным. Довольно молодой парень, прекрасные глаза. Мне вчера еще говорили о нем, что все женщины не могут сопротивлять<ся> ему. Так мило разговаривали в коридор<е>. Принес мне папирсы.

Вся внутри смеялась, видно, начинает.

<<>Вообще хотите, поедем во Владивосток?<>>

А я ему: <<>А после куда?<>> – <<>Куда? Посмотрим<>>. – «Хочу за границу». – <<>Я Вас не пущу, нет, нет. Вы будете здесь<>>. – «С Вами?» – <<>Со мной». – «Нет, уеду». – «Я не хочу, мне будет скучно». – «Скучно, что Вы<!> Есть вещь тяжелее и то забывается». – «Скажите, Вы своего мужа любите?» Я: <<>Очень люблю». – <<>Вы странная, у Вас чудные глаза, зрачки большие-большие<>>.

Только что ушел. И мне стало смешно.

Хабаровск, 18 декабря 1930

С каждым днем наш<и> отношени<я> становятся все хуже и хуже. Шура страшно нервничает. Для меня как мужчина он больше не существует. Я не питаю к нему ни малейш<его> желани<я>. Вчера после наши<х> обыденны<х> спор<ов>: «Ты мне противна, уезжай от меня поскорей и т. д.», предложил мне ехать к дяде⁹⁶ в Благовещенск на несколько дней, пока он мне найдет комнату. Надо ехать. Странно, но я чувствую, что Приморский⁹⁷ мне нравится, но мне не хочется под<д>аться. Я о нем часто думаю. Волосы <у него>, как у Вили, черные-черные. Он мне все повторяет: <<>Вам надо разойтись с мужем, хочу, чтобы Вы были со мной<>>. Но я нисколько не хочу обмануть Шур<у>. Поеду в Благовещенск, все пройдет хорошо, встретимся с Шурой. Мне жаль его, он совсем потерял рассудок. Но мне так тяжело с ним, так

тяжело. Хочу это скрывать внутри, все болит, <в> душе не осталось ни одн<ого> места, кот<орое> не было бы и<з>ранено, жизнь моя изу<рода>на. Мечтала о здоров<ой>, сильн<ой>, красив<ой> жизн<и>, и этот человек мне говорит: «Надо разойтись, потому что мне тяжело с тобой <нрзб.>». Мне так тяжело с ним, и вместе с тем я знаю, что наш<и> отношения в дальнейше<м> от меня зависят. Подойду: «Шура, милый», буду его ласкать, постараюсь все сделать, чтобы ему было хорошо, и все пойдет по-старому, но я ведь знаю, что это безнадежно, я отошла от него.

Облу<чье>, 23 декабря 1930

Облу<чье>⁹⁸ – станция между Хаб<аровском> и Бочк<арево>. Вот уже 3 ч., как мы стоим, для чего не знаю. Но мы сильно опаздываем. Мне скучно ехать. Здесь со мной 3 дяден<ь>ки, даже не хочется с ними разговаривать. Думаю о Шура. Вчера вечером меня дрожь разбирала, когда думала о нем, все внутри горело. Милый Шура, ведь мне с ним хорошо. Так<их> люд<ей> трудно, даже невозможно найти. Описывать вчерашний день трудно. Накануне в кровати я ему сказала, чтобы он меня не трогал, мне на нервы действу<ю>т половые отношения, а он решил, что он мне против<ен> к<ак> мужчина. И заснули. Утром у него был осадок. Я это хорошо чувствовала, особенно когда отдал<ась> ему. <<>Шура, что с тобой?<>> – «Не знаю». В 2 ч. дня, скоро мне надо было ехать, лежали вместе. «Эрик, у меня большое желание все ласкать тебя». При эти<х> слова<х> почувствовал<а>, как мне стало тепло, и провели прекрасную часть. Ни о чем не думала, мне <ударило>⁹⁹ в голову, и я оп<ь>янела. Было прекрасно.

Мое отношение сразу изменил<о>сь, сейчас я знаю, что изменять не смогу, для меня он дорог, а утром, наоборот, я думала, что я не ручаюсь за себя. Сколько дней я не могла его перенести к<ак> мужчин<у>.

Да, вчера был час, кот<орый> я никогда не заб<уду>, он мне все вернул, то, что я потеряла за две последние недели, особенно равновесие. Я не одна, есть друг и муж Шура.

Лучше я не найду. Мне с ним могло быть так прекрасно. Все наши дни, кот<орые> мы вместе провели, мне кажутся таки<ми> милы<ми>, теплы<ми>, хотя <бывало, что>¹⁰⁰ мы сильно-сильно ругались, ненавидели др<уг> др<уга>, но всегда малейшее желание <с> обеих сторон верн<уть> спокойствие,¹⁰¹ <и> все моментально улетело и опять все было весело и хорошо.

Да, наши отношения были оригинальные. Я вернусь в Хабаровск только тогда, когда Шура найдет мне комнату. Посмотрим, сколько это будет врем<ени> продолжаться.

А <пока>¹⁰² он один пришел вчера домой, меня нет, не с кем говорить, ругаться, <некого> обнять.

Несчастный поезд все ждет, наверное, ждет товарно-пассажирский, кот<орый> мы пропустим раньше нас.

Ночь<ю> вагон так <трясло?>, что спать не давали. В 2 ч. ноч<и> пришла бригад<а> жел. дор. пьяные и такой шум подн<я>ли, что все<х> разбудили.

Надо мне отметить один факт, кот<орый> Шура объясняет тем, что я выздоравливаю. Я совсем перестала думать о Вили, о загранице, о<б> институте. Не плачу от этого, гру<с>ть не чувствую.

Может быть, объясняется <это> тем, что все эти последние дн<и> я была занята совсем др<угим>. Не знаю.

Благовещенск, 26 декабря 1930

Позже¹⁰³ вчера приехала сюда. Город славный, больш<ую> площадь занимает, но все постройки деревянные, несколько учреждени<й> – каменные. Улицы прямые, широкие и длинные. Красноармейская имеет 3 верст<ы> <в> длину.

Но здесь так холодно, так голодно. Я до сих пор никогда не чувствовала, чтобы у меня нос мерз, а сейчас чувствую.

Сегодня поступила на работу в Крайжелдорстрой. По непривычке устала, вечером ходила на кат<ок>, но сильно замерзла и всяк<ое> желание пропал<о> здесь <нрзб.>. Студенты предлагали мне записаться в их команд<у>, чтобы играть в хок<к>е<й>, но мне здесь смертельно скучно. Есть даже не хочется. Хотя и работала сегодня, но на меня грусть <напала>.¹⁰⁴ Часто <в>споминаю Шуру. У меня такое теплое чувство к нему. Дядя¹⁰⁵ странный, мы с ним совсем не разговариваем, он мне не особенно нравится, очень хочу уехать. Странно, но все мои родные одинаковы, и к<о> все<м> я питаю чуждое чувство, что хотя и родные, но и не родные.

Шур<е> я писать письмо не могу. Не знаю, о чем писать. Спать пойду.

Здешн<я> публик<а> мне не нравится. Грубые до невозможности. Нет, в Хабаровск<е> лучше. Может быть, потому, что там Шура.

Сейчас я себя так одиноко чувствую.

4 января 1931

Куриль н<е>чего. Ходила ужинать. У китайц<ев> одн<у> папирос<у> достала. Вот 2 недели, как уехала, и Шура ни раз<у> не <на>писал. Почему, прямо не понимаю, а главно<е> посылает мне телеграмм<у>: «Довольно хулиганить приезжай», а я бы с удовольствием<м>

села бы в поезд и уехала бы, но я еще не кончила работ<у> и не уеду, пока не сдам, р<ублей> 90–100 у меня будет. Вот 2 дня, как я себя лучше чувствую, но каждый день хожу лечиться.

До того, как Шура послал телеграмму, я себя очень странно чувствовала<.>¹⁰⁶ То, что с Шур<ой> все покончено, я по ночам не могла спать и все думала. Так<ое> безразличие прих<одит> <к>о мне при мысл<и>, что работаю днем вчера, как сегодня, сегодня, как завтра, и для себя. Но ведь для себя разве я могла бы так служить? Хотелось убежать из Благовещенск<а>, и я не могла, т<ак> к<ак> меня задерживало то, что дене<г> нет, должна их заработать, а тут еще больна, работать не могу. Ужас. А дядя смеется: «Не пишешь тебе твой муж, давно уж забыл тебя». Я стараюсь ему объяснить, что не муж, я о нем не думаю (а сама все время думала, ведь так скучно). Но я себя очень скверно чувствую, мне так страшно, что здесь не смогу вылечиться, а уехать не могу. А когда я получила телеграмм<у>: «Но сейчас у тебя живот не будет больше болеть» – и действительно легче.

Завтра сдаю работы, послезавтра <с>могу уехать. Довольная-довольная. Сильно-сильно скучаю о Шуре. Не понимаю, но как будто в этот раз забеременела.

Хабаровск, 31 января 1931 г.

Позавчера приехала обратно и конечно довольная, довольная лишь тем, что опять встретила<сь> с Шур<ой>. Первый вечер прошел немножко странно, но это только потому, что, как говорит Шура, <у нас>¹⁰⁷ еще не вошл<а> в привычку «семейная жизнь». А сейчас хорошие отношения. <...>

Разговаривала с заведующей радиоредакции. 15 ч. пойду туда говорить в микрофон, 15 м. платят 10 р. 6 раз в месяц. В Горкомхозе тоже дадут мне работу по инвентаризации. Сегодня на улице теплее. Пойду в больницу, сильно болит. Очень очень хочется ехать на Запад учиться, а вместе с тем не хочу расстаться с Шурой. Не знаю, что делать. Нет настроения писать.

Ленинград, 24 февраля 1931, 12 ч. вечера

Приехала 15-<го> из Хабаровск<а>. Пришла прям<о> домой и все рассказала маме, что со мной. Всю дорогу я была рада, беспредельно рада, что одна, свободная.

Ленинград, 8 апреля 1931

Давно не писала. Получила телеграмм<у> от Шур<ы>. Он выехал 3<-го> из Хабаровск<а>, скоро будет здесь.¹⁰⁸ Я эт<ому> очень очень

рада. Два месяц<a> прошли, <когда>¹⁰⁹ я могла воспользоваться свобод<ой>. Встретилась здесь со своими старыми знакомыми, т. е. их всего так мал<о>: Сережа, Миша и Ле(я?)ля.¹¹⁰ Было приятно и тепло. Хожу в Институт, было приятно также встретиться с ребятами, ведь все меня знают, все хорошо относятся. Начала заниматься. Но, несмотря на все это, жизнь пуста. Связано ли с тем, что живу в наше <время>¹¹¹ в России, где знаешь, <разрушает?> тебя обман, глубокий безнадежный обман, с кот<орым> ты знаешь, что бороться нельзя. Боже мой, ведь так¹¹² обидно, хожу на занятия, сидишь на лекции. Хочешь – не хочешь – сиди. Все это принудительно. Пр<о>ходим полит. пр<е>дмет диалектический материализм. Предмет сам по себе интересный, к нему надо име<ть> хорош<ую> подготовк<у> в области философии. А мы, как бараны<ы>, ничего не знаем, пр<е>п<о>дают его не так, как он есть, как Энгельс понимал его, а так, к<ак> нам нужно. Все это вызывает тошноту, отвращение к нему. Я разговаривала со студентами, в них такая же тупость, односторонность, нет <у>мения относиться критическ<и> к чему-нибудь.

Вот Кузминов¹¹³ партийный, он чем-то отличает<ся>, но я его мало знаю.¹¹⁴

А так у всех грустное грустное настроение, все ходят подавленн<ые>. Молодеж<ь> не знает, что тако<е> молодость. Всюду однообразие, принудительность, уж<е> не могут существовать люди сами по себе.

Но я отошла, я совсем не хотела об этом писать.

<В>спомнила, вечером сидела. Екатерина Козловская говорит, что в опере «Евг<ений> Онег<ин>» изменили 1-й акт,¹¹⁵ а Борис говорит, тол<ь>ко что спели, <надо?> было поставить яблочко.¹¹⁶

Говорят, что в Кремле играют только в карт<ы>: Калинин в дурак<a>, Рыков в меньш(й?)?, а Сталин в Корол<a>.¹¹⁷

Мо<е> отношение к мужчин<ам> изменилось сильно, особенно сильно чувствую это даже в том, как они сейчас к<о> мне относятся. От них я ничего ничего не ожидаю, и мне от них не нужно ничего. Может быть, отчасти <потому>, что беремен<н>a. Это, конечно, сильно изменило меня. Ведь мне сейчас плевать на все, т<ак> к<ак> знаю, что будет ребенок, для него буду жить.

Шура приезжает, я эт<ому> очень очень рада, он мне близкий. Я чувствую, что бы ни случилось, он как-то являет часть моего я. Так же, как мама, моя мама, никак не отвер<г>ну ее от себя, так и он. Я его чувствую в себе. Опять-так<и> это объясняется беременност<ью>. Кого я бы ни <по>любила, увлекалась, все это забудется, пройдет, а Шура останется.

Очень хочу ехать в Москву встретить его, но не знаю, как это сделать. Больна, денег нет, и в Институт<е> что сказать. Нет, наверно поеду.

Ленинград, 16 апреля 1931

Вчера Шура приехал. Я была очень рада его видеть. Чудак, так сильно напугал, говоря мне, что посылают его к Северному Ледовитому Океану, как будто в Нижнеколымск на два года. Эта мысль была жутка. А потом оказалось, что будет здесь работать.

<...>

Ленинград, 20 октября 1931

Ровно месяц тому назад родилась у меня дочка Тат<ь>яна, уменьшительно Яночка.¹¹⁸ Очаровательная девочка-философ. У нее созерцательный взгляд. Но о н<ей> буду писать отдельно. <...>

8 ноября 1931 г.

XIV г. Великой революции. Программ<а> минимум. Через 10 лет <во> вс<ей> Европ<е> будет у власти пролетариат. Швейцари<я> – центр курорт. Противно было читать. Все люди будут сыты, обуты и не... дураки.¹¹⁹

Но этот день мне никогда не забыть.

Рас<с>талась с Шурой... Был, ушел, всему конец.

<...>

4 декабря 1931

21 год.

Шура послал мне хризантем горшок с 4 цвет<ками>. Позавчера расстались с ним, тяжело тяжело. Шуру люблю, привыкла к нему, и мне дико, что осталась одна. Но одной мне легче, чем с ним, это нельзя отрицать. Почему м<еня> Шура не любит, а ведь одн<у> ночь я так была счастлив<а>, мне эт<а> ночь будет памятна навсегда. Он меня целовал целовал, говорил¹²⁰ мне хорошие слова, что мой, а я его слушала, была безграничн<о> счастлива, но знала, что это лишь на одну ночь, что завтра этого не будет. Он мне говорил: «Почему не хочешь счастье? Если ты хотела, я бы тебя любил». Как же не хочу счастья, только мечтаю о нем. Но что надо сделать, чтобы Шура меня любил. Вот сейчас он ушел, но остались товарищ<ами>. Ему это легко, но мне очень тяжело, только на него и смотреть, ведь я люблю его. Но ничего, буду с собой бороться, бороться. Хочу перевести<сь> в Водно (?) Институт, и в мае месяце уезжаю в плаванье за границу.

Конечно, пока я не кончу, Шура будет мне помогать с деньгами, на самое главное, Яночку<у> вырастить.

<...>

<Б. д.>¹²¹

«Человечество состоит из живых и мертвых, и мертвых гораздо больше»

Огюст Конт

Конечно, мертвых гораздо больше. Благодаря множеству их и громадности совершенной ими работы, они самые могущественные. Они управляют, а мы им подчиняемся.¹²²

В жизни каждого человека наступает время, когда сердце должно окаменеть<ь> или разбиться.¹²³

¹ Борис Иосифович Малых (1904–1943) – старший сын М. А. Малых. См. *Дневник 1929*.

² Вилли Люзи (*Willy*) – возлюбленный Эрики, с которым она познакомилась в Швейцарии во время обучения на подготовительных курсах. По настоянию отца Вилли молодые люди были разлучены, Эрика насильственно выслана в Россию. См. *Дневник 1929*. По-французски Эрика пишет его имя *Willy*, по-русски – Вили. В настоящей публикации имя дается согласно рукописи, а в переводе с французского – Вилли (аналогично *Дневнику 1929*).

³ Последние два предложения написаны по-русски.

⁴ Слово написано по-русски.

⁵ Эмма Сигалов – первый муж Эрики. Брак длился около года (осень 1928 г. – осень 1929 г.).

⁶ Тетя Вера – Вера Александровна Тарасова (урожд. Малых) (1877–1957), сестра М. А. Малых.

⁷ Надя – жена Бориса. Полное имя – Надежда Родионовна Бунелик.

⁸ Возможно: *ensommeillée* – заспанная, сонная, или *moillée* – промокший, мокрый (в данном случае от жары) (Примеч. И. В. Потаповой).

⁹ О том, что нашелся ее старший сын, Борис, который пропал в 1918 г., М. Малых узнала в июле 1929 г., находясь в санатории в Кисловодске. Об этом радостном известии ей писали из Ленинграда младший сын Алек и его жена Дуся. По стечению обстоятельств одновременно она получила телеграмму из Швейцарии от Вилли, что Эрика находится в психиатрической больнице и ее необходимо спасти. По приезде Эрики в Ленинград Малых отправила Эрику к Борису в Баку, а затем поехала туда и сама.

¹⁰ См. примеч. 15.

¹¹ Алек – Александр Иосифович Малых (1908–1946), младший сын М. Малых. См. *Дневник 1929*.

¹² Возможно также: мокрая от жары. См. примеч. 8.

¹³ Далее запись по-русски.

¹⁴ Жаклин (*Jacqueline*) – швейцарская подруга Эрики. В дневнике встречается разное написание, в том числе сокращенное, этого имени: *Jusq.*, *Jacq.* В публикации сокращение дается единообразно: *Jacq.*

¹⁵ Летом 1918 г. 14-летний Борис сбежал из дома бабушки по материнской линии, жившей в Томске, и присоединился к белому движению, был добровольцем армии Колчака. В 1919 г. после того, как их отряд был разгромлен, перешел на сторону красных, воспользовавшись документами погибшего солдата из крестьян Николая Сергеевича Воронкина. Под этим именем дослужился «до командира взвода в 9-м Кавказском стрел<ковом> полку и в Отдельном батальоне при Азнефти. В 1927 г. батальон при Азнефти был переформирован в 24-й полк Войск ОГПУ и весь почти его состав, как начальствующий, так и красноармейский, перешел таким образом в Войска ОГПУ». Возможно, боясь разоблачения, Борис решил легализоваться. *Коля* – отсылка к «чужому» имени Бориса.

При подготовке данного комментария в домашнем архиве М. Малых были обнаружены важные свидетельства биографии Бориса периода Гражданской войны и дальнейшей службы, являющиеся интересными документами эпохи: автобиография, написанная от лица Н. Воронкина, и письмо-признание, раскрывающее настоящее имя Б. Малых (приведем фрагменты):

Автобиография

Родился я в 1900 г. в семье крестьянина Новгородской губ. Демьянского уезда села В(?)ешево. Хозяйство у отца было очень бедное, и в 1907 г. он уехал в гор. Ленинград и поступил там стрелочником на жел<елезную> дорогу. В 1908 г. мать, распродав остатки от хозяйства, уехала тоже в Ленинград и занималась поденной стиркой.

Я начал было посещать школу, но потом, кинув ее, стал торговать газетами. В 1912 г. я поступил в Управление Николаевской железной дороги мальчиком-рассыльным, а с 1915 г. меня перевели там писарем. Писарем я был сначала в Ленинграде, потом на станции Сортировочная в 8 верстах от него. В 1917 г. отца моего убили, а мы с матерью уехали в Вятку, так она думала там найти своих односельчан, еще ранее уехавших туда. Их она не нашла. Я же поступил на жел<елезную> дор<огу> конторщиком. В конце <19>18 или начале <19>19 г. мать моя умерла от тифа, а в октябре <19>19 г. я был мобилизован в Красную Армию. В декабре того же года прибыл на Южный фронт и находился на фронте по декабрь 1920 г., затем был отправлен в госпиталь по болезни...

<...> С 1922 г. по 1926 г. активно работал в КСМ, состоял членом ротного бюро, бюро коллектива, ответником и т. д.

Вышел из КСМ механически как переросший член.

Воронкин (Подпись)

(Рукопись на листе в линейку формата А 4. Чернила красного цвета.)

ПРЕДСЕДАТЕЛЮ ЦЕНТРАЛЬНОГО ИСПОЛНИТЕЛЬНОГО КОМИТЕТА СОЮЗА СОВЕТСКИХ СОЦИАЛИСТИЧЕСКИХ РЕСПУБЛИК

Гражданина Бориса Иосифовича Малых-Эдельмана

Заявление

Прослужив последние два года в Войсках ОГПУ [24-й полк Войск ОГПУ – Баку] в роли командира и воспитателя массы красноармейцев [командир взвода], я окончательно пришел к выводу, что нет никакой совершенно надобности и, наконец, независимо от всего прочего, просто бессмысленно скрывать что-либо о себе и о своем прошлом.

Поэтому считаю необходимым довести до Вашего сведения нижеследующее: Я не Николай Сергеевич Воронкин, под какой фамилией я сейчас живу и служу, а Борис Иосифович Малых-Эдельман, 1904 г. рождения, уроженец города Берлина.

Причины, в силу которых сложилось то обстоятельство, что я живу под чужой ложной фамилией, таковы:<...>

Борис Малых (Воронкин)

Баку

Октябрь 28 дня 1929 г.

24-й полк Войск ОГПУ

¹⁶ Стина – дочь Бориса и Нади.

¹⁷ В оригинале: мосье.

¹⁸ В Тифлисе Малых собиралась поговорить о делах Бориса с С. Я. Тодрия – членом Закавказского краевого комитета ВКП(б), членом Центрального исполнительного комитета Советов ССР Грузии, членом Центрального комитета Коммунистической партии (б) Грузии. Согласно справочнику «Весь Тифлис» (Тифлис, 1926), его адрес был: ул. Ак. Церетели, 19.

¹⁹ Фраза написана по-русски.

²⁰ Фраза написана по-русски.

²¹ Эрика заболела ангиной. Сначала подозревали чахотку.

²² В оригинале: оставило.

²³ Речь идет о С. Я. Тодрия. См. примеч. 18.

²⁴ В оригинале: белый.

²⁵ Знаки препинания в предложении отсутствуют, возможно двойное прочтение.

²⁶ О ком идет речь, установить не удалось.

²⁷ Вторая цифра плохо читается.

²⁸ В оригинале: решиться.

²⁹ Возможно, Александр Алексеевич Пострелов, с которым затем Эрика уехала на Дальний Восток. См. о нем примеч. 58.

³⁰ Возможно: Burgholzli.

³¹ В октябре 1929 г., благодаря партийным заслугам матери, Эрику приняли учиться в Ленинградский политехнический институт им. М. И. Калинина на Кораблестроительное отделение (ныне – Санкт-Петербургский политехнический университет Петра Великого). Согласно записям М. Малых, Эрику приняли без экзаменов: «...давно шли занятия <...> Мое посещение Бор[иса] Павл[овича] Позерна, зав. высш. обр. в Л-де. Я не знала его, но, оказалось, что он знал меня по моей рев. деятельности, по моему издательству» (ЦГА ИПД СПб., ф. 8921, оп. 1, ед. хр. 273, л. 50 об.). На тот момент Б. П. Позерн был уполномоченным Наркомпроса в Ленинграде. В прошении М. А. Малых писала: «Настоящим обращаюсь к Вам с большой просьбой, приняв во внимание мою революционную деятельность и все то, что я сделала для рабочего класса в его борьбе за права и власть, <...> сделать исключение для моей дочери Эрики Эдельман и разрешить ей условно поступить действительной студенткой в Политех<ический> институт в число докомплектования...» (ЦГА СПб., ф. Р-6622, № 1246, оп. 13, л. 1). Заметим, что М. А. Малых была персональной пенсионеркой, что в дальнейшем дало ее детям приоритет при поступлении на учебу («Положение об обеспечении персональными пенсиями лиц, имеющих исключительные заслуги перед республикой» от 20 мая 1930 г.). В 1935 г. Эрика закончила институт (в 1930 г., в результате реформы высшего образования, Кораблестроительное отделение, на котором она училась, было трансформировано в Ленинградский кораблестроительный институт.)

³² В комсомол Эрика не вступила. Узнав в октябре 1937 г. об аресте дочери, М. Малых предположила, что это могло стать одним из обвинений. Обращаясь с письмами в разные инстанции, Малых объясняла, что Эрика не могла вступить в ряды ВЛКСМ из-за плохого знания русского языка.

³³ Скорее всего, речь идет о психиатрической клинике Burgholzli Цюрихского университета, в которую была помещена Эрика. См. *Дневник 1929*.

³⁴ В дате, видимо, по ошибке указан 1929 г. вместо наступившего 1930-го. Преыдущая запись датирована 21 нояб. 1929 г.

³⁵ Если исходить из датировки этой записи 13 февр. 1930 г., то речь может идти о темах свежего выпуска центральной прессы и публикаций конца января – начала февраля г. г. В этот день передовые статьи в «Известиях» вышли под общим заголовком: «Бешеная травля СССР объединяет империалистов всех оттенков» (Известия. 1930. 13 февр. № 43. С. 1). В статьях говорилось об осуждении Англией антирелигиозных мероприятий в СССР; разрыве мексиканским правительством дипломатических отношений с советской страной; опасности введения в Германии «плана Юнга», негативные последствия которого были показаны в обзоре выступления Тельмана в рейхстаге. Публикации в других газетах на международные темы вводились заголовками: «В Англии открыто говорят о подготовке нападения на СССР» (Ленинградская правда. 1930. 13 февр. № 43. С. 1); «Бешеный лай антисоветских псов. Наглая выходка американских лакеев. Подготовка конференции по “удушению СССР”» (Комсомольская правда. 1930. 12 февр. № 35. С. 1); «“Крестовый поход” против СССР» (Комсомольская правда. 1930. 11 февр. № 34. С. 1).

Большая часть 4-й страницы «Известий» 13 февр. была отдана разоблачительной статье Н. Крыленко «Классовая борьба путем вредительства», в которой утверждалось существование «вредительских организаций» в разных областях советской промышленности, среди высшего инженерного звена. Назывались имена «вредителей» из числа «специалист<ов> старого времени», «непосредствен<ых> собственник<ов> – акционер<ов> капиталистических предприятий» в Народном комиссариате путей сообщения.

За две недели до этого о вредительстве среди инженеров, в том числе в судостроении, было заявлено в докладе Куйбышева в Ленинграде (Кто не с нами, тот против нас. Агентам капитализма, вредителям индустриализации – беспощадная война. Из доклада тов. Куйбышева на общегородском собрании инженеров и техников в Ленинграде 28 января 1930 г. // Известия. 1930. 5 февр. № 35. С. 3). Поскольку Эрика училась в Политехническом институте, она не могла избежать политинформации на эту тему.

Набирала обороты кампания по раскулачиванию и массовой коллективизации (Постановление Президиума Центрального Исполнительного Комитета Союза ССР «О новых задачах советов в связи с широко развернувшейся коллективизацией деревни» // Известия. 1930. 26 янв. № 25. С. 1). Характерные заголовки: «Задачи ликвидации кулачества как класса» (Известия. 1930. 31 янв. № 30. С. 1), «Ликвидация кулачества – неразрывная часть задачи сплошной коллективизации» (Комсомольская правда. 1930. 1 февр. № 28. С. 1). 12 февраля было опубликовано постановление Совнаркома о ходе подготовки к весенней посевной, в котором были поставлены в том числе задачи обобществления рабочего скота и сбор семян колхозами (Известия. 1930. 13 февр. С. 1).

Одновременно с этим проводилась кампания по агитации и вербовке в партию (Подъем активности пролетарских масс и задачи регулирования роста партии // Ленинградская правда. 1930. 13 февр. № 43. С. 1) и комсомол (Ни одного молодого рабочего вне комсомола // Комсомольская правда. 1930. 12 февр. № 35. С. 1).

³⁶ Предложение написано по-русски.

³⁷ Имеется в виду ВЛКСМ. См. примеч. 32.

³⁸ Ляля – о ком идет речь, установить не удалось. См. также примеч. 80.

³⁹ Эмма Сигалов – см. примеч. 5.

⁴⁰ Далее половина страницы без записей.

⁴¹ Некоторые сокращения вызваны интимным характером записей, а в ряде случаев невозможностью адекватной расшифровки.

⁴² Доктор Петерсон – скорее всего, Петерсон Федор Карлович, женский врач. Согласно справочнику «Весь Ленинград», в 1925–1927 гг. жил на ул. Достоевского, д. 29.

⁴³ Это предложение подчеркнуто следователем.

⁴⁴ Из Записей к воспоминаниям за 1927 г. М. Малых: «1927. Дикая волна антисемитизма охватила страну. С ней надо было бороться. Мне казалось необходимым организовать общество борьбы с антисемитизмом. Мои переговоры с П. Г. Смидовичем, М. И. Калининим, С. Ф. Ольденбургим, с Зарудным, К. А. Фединим, А. В. Луначарским, Н. К. Крупской. <...> Общество организовано не было, т<ак> к<ак> у нас официально “антисемитизма нет и быть не может”. Но необходимо усилить пропаганду. Результатом поднятого мною вопроса были ряд лекций по заводам, в школах и пр., статьи в газетах, издание брошюр. <...>» (ЦГА ИПД СПб., ф. 8921, оп. 1, ед. хр. 110, л. 11).

⁴⁵ Жуковский (он же далее в тексте – Миша) – Михаил Александрович Жуковский (1903–1937) – инженер. Жил по адресу: ул. Некрасова, д. 58, кв. 11. Вот что вспоминает о нем М. А. Малых: «...Вскоре она познакомилась с инженером-авиатором Жуковским. Он был изобретателем, но ему не давали хода, его затирали. <...> Хотя Ж. был мне совершенно чужим, он был [только] знакомым Эрики, но она так просила меня помочь ему, что я опять стала “спасать” и его. Проездом в Кисловодск я специально из-за Жуковского остановилась в Москве и пошла к Ярославскому и Семашко. Я добилась для него всего, чего он хотел – блестящих результатов. Ему было предоставлено все для опытов. Дали помещение на Конюшенной ул., дали средства для оборудования мастерской, лаборатории. Он восторженно принялся за работу. Покровительствовал ему Тухачевский, к которому его направил Ярославский. Жуковский был влюблен безумно в Эрику, он умолял ее выйти за него замуж. Эрика отказала ему. Она отказывала всем, а сколько было влюбленных в нее» (ЦГА ИПД СПб., ф. 8921, оп. 1., ед. хр. 276, л. 4 об.). История их отношений закончилась трагически. В 1937 г. Жуковский был репрессирован по «делу об антисоветской контрреволюционной организации» в Ленинградском Институте прикладной физики, где он работал механиком. Он был арестован 14 сент., а 30 окт. того же года по приговору Особой Тройки УНКВД ЛО расстрелян. (Реабилитирован в 1957 г.) На основе его показаний, 6 окт. 1937 г. в санатории под Москвой была арестована Эрика, ее обвиняли по ст. 58, п. 10, п. 11. К тому моменту она уже несколько лет жила в Москве, с 1936 г. работала инженером-конструктором в монтажно-строительном тресте «Тепломонтаж». Вместе с шестилетней дочерью Татьяной (Постреловой) и мужем Ю. В. Кирпичниковым она жила в Малом Левшинском пер., 14/9, кв.8. Через две недели после ареста Эрику перевезли в Ленинград, в Ленгюрму ГУГБ, следствие по ее делу длилось чуть больше 2 месяцев, 10 дек. она была приговорена к высшей мере наказания, 14 дек. 1937 г. приговор был приведен в исполнение. О судьбе дочери М. А. Малых узнала только в мае 1956 г., получив справку о ее реабилитации. На допросах Жуковским были также названы имена М. А. Малых и Даниила Хармса. Отдельные фрагменты следственного дела и комментарий приведены нами в составе статьи: *Валиева Ю. М.* К истории стихотворения И. Бахтерева «Тишайшая из пиес» // Велимир Хлебников в новом тысячелетии. М.: ИМЛИ РАН, 2012. С. 280–305.

⁴⁶ Это предложение подчеркнуто следователем.

⁴⁷ Слово плохо читается, возможно: сухой.

⁴⁸ Эта часть предложения подчеркнута следователем.

⁴⁹ Слово плохо читается, возможно: сидеть<ь>.

⁵⁰ Далее в предложении идет фразеологизм: бить голову о жел<е>зн<ую> стен<у>. Вероятно, употреблено по ошибке вместо: бить баклуши.

⁵¹ Этот абзац подчеркнут следователем.

⁵² Ср. письмо Веры Александровны Тарасовой (урожд. Малых) к сестре от 6 июня [1929 г.]:

«Милая Маня!

Сегодня для меня праздник: не надо идти ни в какую очередь, зато вчера просто-расслабила с 11-ти до 7 ч. вечера. За мясом у фабр. Халтурина записываются в 3 ч. ночи, спят на панели. Дефицитные товары выдают по-старому, но без мяса как-то голодно. Алек и Дуся ходят в столовку. Шура тоже...» (ЦГА ИПД, ф. 8921, оп. 1, ед. хр. 161. М. Малых. Письма родных, знакомых и друзей (к записям за 1929 г.). Л. 25. Письмо карандашом. Б. п.). Здесь Шура – сын В. А. Тарасовой.

⁵³ <У всех больные нервы> (?)

⁵⁴ Слово плохо читается, возможно: сито.

⁵⁵ Миша – Михаил Александрович Жуковский. См. примеч. 45.

⁵⁶ Имеется в виду: *Зееманн Отто*. Мифология греков и римлян. С постоянными указаниями на изображение божеств в искусстве для руководства при школьном обучении и самообразовании / Пер. под ред. В. Гиацинтова. М., 1893.

⁵⁷ В рукописи ошибочно: à l'ouest (на западе). Должно быть: à l'est (на востоке). (Примеч. И. В. Потановой.)

⁵⁸ Шура – Александр Алексеевич Пострелов (1906–1957). По сообщению Н. Г. Беловой, внучки Эрики Эдельман, А. А. Пострелов родился в с. Васильевка Ворошиловградской обл. (ныне – Луганская обл.). После окончания школы в Ростове-на-Дону учился в ленинградском Институте инженеров путей сообщения (ныне Петербургский государственный университет путей сообщения Императора Александра I). В 1930–1932 гг. работал инженером в Ленинграде.

⁵⁹ Предложение прервано.

⁶⁰ См. примеч. 14.

⁶¹ Так в рукописи.

⁶² Скорее всего, речь идет о радио – «поймать Америку».

⁶³ В тексте: кто-нибудь.

⁶⁴ Лелей в семейном кругу называли Елену Александровну Кухтерину, сестру М. Малых. Однако, скорее всего, здесь и далее речь идет о другом лице. Возможно, то же лицо, что и Ляля.

⁶⁵ Ферма – тип строительной конструкции (термин из строительной механики).

⁶⁶ Роман Э. Золя «Западня».

⁶⁷ Речь идет о пьесе И. В. Чекина (1908–1970) «Как говорили большевики». В Ленинграде пьеса была поставлена театром «Пролетарский актер» (реж. А. Оленин, худ. – И. Коротков, муз. – Б. Малаховский), премьера состоялась 30 янв. 1931 г. в Доме культуры им. Первой Пятилетки (тогда – Дом культуры Союза Совторгслужащих). В постановке была задействована кинопроекция (см.: Рабочий и театр. 1931. № 2 (21 янв.) С. 22). Судя по описанию спектакля в дневнике, в Хабаровске пьеса шла в другом исполнении.

⁶⁸ В тексте: все запах. Возможно: от всех запах или везде запах.

⁶⁹ Слова зачеркнуты.

⁷⁰ ЦРК – скорее всего, имеется в виду ЦРК ВКП(б) (Центральная ревизионная комиссия), занимавшаяся проверкой хозяйственной деятельности и финансовой отчетности партии.

⁷¹ Далее в тексте: с скорости ветер летал бы. Возможно: со скоростью ветра летала бы.

⁷² В тексте: задумалась.

⁷³ Начиная со слов «И вот это обман...» подчеркнуто следователем.

⁷⁴ В тексте: так не получается.

⁷⁵ В хронике, составленной по биографиям своих детей, за 1926 г. М. Малых писала об увлечении Эрики спортом: «Эр<ика> – спортсменка – переплывала Женевское озеро. Теперь увлекается лаунтенисом. Очень одаренная, энергичная – все умеет. Она никогда в Швейцарии не каталась на коньках. Зимой она, Алек, Шура пошли на каток. Она первый раз одела коньки и сразу побежала. <...> Вернулась домой вся в синяках, но ... с гордостью заявила: я уже умею кататься» (ЦГА ИПД СПб., ф. 8921, оп. 1, ед. хр. 282, л. 7).

⁷⁶ Возможно, новая запись.

⁷⁷ Для Эрики ведение дневника было своего рода тренировкой в литературном стиле. Несмотря на учебу в Политехническом институте, Эрика не оставляла мыслей посвятить себя литературе. Мать поощряла ее стремление стать писательницей. Отметим, что Эрика дала прочесть дневник обоим героям своих романов.

⁷⁸ Клякса, часть слова не видна.

⁷⁹ Далее два слова нечитаемы (зачеркнуты).

⁸⁰ В этой дневниковой записи имя своей подруги Эрика пишет то Леля, то Ляля. См. также примеч. 38.

⁸¹ Имеется в виду железнодорожная станция Тихоньякая на Амурской железной дороге. См. примеч. 86.

⁸² Предложение прервано.

⁸³ Речь идет о психиатрической больнице в Швейцарии, куда Эрику поместили после попытки самоубийства. См. об этом в *Дневник 1929*.

⁸⁴ В тексте: прошел дверь.

⁸⁵ Далее на развороте листа записи сделаны Александром Постреловым. Приведем запись на правой стороне листа:

«Прошу слова! Allo!

Ты мне разрешила прочесть твои мысли и настроения от Москвы до 28 / XI – 30 г. в г. Хабаровске.

Твоя характеристика обо мне. Я нахожу, что это – характеристика настроения, вспомнишь когда-нибудь все мелочи наших будней, и они скажут за меня, ты, конечно, согласишься.

Прошай, “дневник”, тебя я обожаю.

28 / XI –30».

На левой стороне разворота листа, справа на полях, по вертикали: «Сегодня 16/ IV–31 г. мы вместе». И на правой, и на левой сторонах разворота поверх записей, на всю страницу карандашом стоят три вопросительных знака.

⁸⁶ Правильно – Тихоньякая. Железнодорожная станция Тихоньякая на Амурской железной дороге была построена в 1912 г. Название дано по названию заимки «Сопка Тихонького». С 1928 г. стало еврейским переселенческим центром.

⁸⁷ КОМЗЕТ – Комитет по земельному устройству трудящихся евреев был создан в 1924 г. при Президиуме Совета Национальностей СССР, его возглавил П. Г. Сидович. 28 марта 1928 г. Президиумом ЦИК СССР было принято постановление «О за-

крепления за КОМЗЕТОм для нужд сплошного заселения трудящимися евреями свободных земель в приамурской полосе Дальневосточного края». На ст. Тихонькая был создан переселенческий пункт, в мае 1928 г. сюда прибыли первые переселенцы из Украины, Белоруссии и центральных районов России. 20 авг. 1930 г. ЦИК РСФСР принял постановление «Об образовании в составе Дальневосточного края Биробиджанского национального района» с центром в селении Тихонькая. 20 нояб. 1930 г. с. Тихонькая переименовано в рабочий поселок Биробиджан.

⁸⁸ Запись прервана.

⁸⁹ Запись без даты.

⁹⁰ В тексте: требовал наше расставание как мужчина и женщина.

⁹¹ Скорее всего, имеется в виду: другую.

⁹² В тексте: Знакомый в один день стали масс.

⁹³ Возможно также: чтобы мои отношения с Вами были...

⁹⁴ В тексте: показаться на Ваши глаза.

⁹⁵ Возможно также: Стала ухо<дить>.

⁹⁶ В Благовещенске жил брат М. А. Малых – Петр Александрович Малых (1864?–1945). См. примеч. 105.

⁹⁷ Фамилия нового знакомого Эрики.

⁹⁸ На тот момент – рабочий поселок Облучье. Возник в 1911 г. в период строительства Восточного участка Амурской железной дороги, название получил в 1914 г.

⁹⁹ В тексте: бросало.

¹⁰⁰ В рукописи: «есть раз».

¹⁰¹ Возможно также: возвращало спокойствие (в рукописи – «вернуло»).

¹⁰² В рукописи: «сейчас».

¹⁰³ Так в тексте.

¹⁰⁴ В рукописи: произвела на меня.

¹⁰⁵ Дядя – Петр Александрович Малых. О своем намерении поехать к нему Эрика написала матери еще раньше с дороги (почтовая карточка от 1 окт. 1930 г. из Новосибирска):

«Милая мама,

Только что прие<хала> в Новоси<бирск>. 4 су<т>ки уже еду из Москвы. Сибир<ь> мне нравится. Продукт<ов> много. На станц<ии> кило варен<ого> мяса 1 р. Все есть. Какая Россия большая. Получила отпуск на год от ВКК при Губздравотделе, нашли всякие болезни и решила объехать вс<ю> Рос<с>и<ю> до Сахалина, Камчатки, Ташкен<т>, Кавказ, Крым. Напиши мне адрес дяд<и> Пет<и>. Поеду к нему. Пиши станция Хабаровск до востребования.

Если он в Благовещенске, то это будет близко. Насчет меня не беспокойте<сь>. Единственно это то, что ден<ег> мало.

Целую Эрик». (ЦГА ИГД СПб., ф. 8921, оп. 1, ед. хр. 282, л. 1). Судя по дневниковым записям от 24 и 28 нояб. 1930 г., это письмо М. Малых не получила, в то время она была в Кисловодске или Батуми, в санатории. О внезапном отъезде Эрики из Ленинграда в неизвестном направлении она узнала из писем родных и М. А. Жуковского, переправленных ей в Москву, где она остановилась, возвращаясь с юга: «Милая Маня! Прости, пожалуйста, что до сих пор ни слова не написала тебе. <...> Об Эрике тебе пишет М. А. [Жуковский]. Это случилось так все скоропалительно, что и опомниться не успели. Медицинский осмотр дал ей отпуск на шесть месяцев, и она решила уехать. Как я ее ни спрашивала: куда, так и не получила точного ответа: – сама не знаю, одним сказала в Москву, другим нет “а может быть через три дня вернуться”. Из полученной телеграммы видно, что она взяла путь на Дальний Восток,

по-моему, она заедет к Пете, так как она спрашивала его адрес у Лены. С М. А. [Жуковским] она одно время совсем порвала, а потом опять сошлись» (ЦГА ИПД СПб., ф. 8921, оп. 1, ед. хр. 163, л. 7–7 об.). Письмо (предположительно от В. А. Тарасовой (?)) сохранилось не полностью, страница с подписью отсутствует. *Лена* – Е. А. Кухтерина. В письме упоминается телеграмма из Ленинграда в Батуми: «Эрика телеграфировала жуковскому молниировать обратную дорогу 400 рублей больна денег нет что делать адрес хабаровск первая гостиница» (ЦГА ИПД СПб., ф. 8921, оп. 1, ед. хр. 282, л. 6). Черновик ответа М. Малых (на бланке гор. почт. тел. отд.): «Переведи ерике сто пиши москву завтра выезжаю» (ЦГА ИПД СПб., ф. 8921, оп. 1, ед. хр. 282, л. 5).

¹⁰⁶ Предположительно конец предложения, знаков препинания нет. Предложение последнее на странице, но не до конца строки. Дальнейший текст с маленькой буквы, наверху следующей страницы.

¹⁰⁷ В рукописи: мы.

¹⁰⁸ Далее запись простым карандашом.

¹⁰⁹ В рукописи: где.

¹¹⁰ *Сервжа* – Сергей Львович Цимбал (см. *Дневник 1929*).

¹¹¹ В рукописи: период.

¹¹² Начиная со слов «Связано ли с тем...» текст подчеркнут следователем.

В рукописи знаки препинания стоят произвольно, восклицание «Боже мой» может относиться как к предыдущему предложению, так и к последующему. Далее, до конца абзаца (до слов: «относиться критическ<и> к чему-нибудь»), текст отмечен следователем справа на полях.

¹¹³ О ком идет речь, установить не удалось.

¹¹⁴ Далее в предложении: а он не верит в чем еще не знаю.

¹¹⁵ Скорее всего, имеется в виду постановка Эммануилом Капланом оперы П. И. Чайковского «Евгений Онегин» в ленинградском Государственном театре оперы и балета, премьера которой состоялась 13 апр. 1929 г. (Лирические сцены (по Пушкину), в 3-х действиях, 7 картинах. Композиция спектакля Э. И. Каплана и В. В. Дмитриева. Худ. В. В. Дмитриев. Танцы пост. В. И. Вайнонен. Дир. А. В. Гаук). Согласно замыслу постановщиков, один из принципов спектакля состоял в создании сквозного ритма в развитии действия, среди внесенных для этого изменений было сокращение партии хора в 1-й сцене «Уж как по мосту, мосточку», которая, с их точки зрения, «наруша<ла> драматургическое развитие» (Гаук А. В., Дмитриев В. В., Каплан Э. И. К новой постановке «Евгения Онегина» // Жизнь искусства. 1929. №15. С. 20). См. также: Соллертинский И. Возрожденный «Онегин» // Там же. № 17. С. 10–11; Диспут о новой постановке «Евгения Онегина» // Там же. № 18. С. 21; Конский П. «Евгений Онегин» в Гос. театре оперы // Рабочий и театр. 1929. № 17 (240). 21 апр. С. 7.

¹¹⁶ Обсуждаемым событием ленинградской театральной жизни тех лет была постановка Ф. Лопуховым балета «Красный мак» Р. М. Глиэра в Государственном театре оперы и балета, премьера 20 янв. 1929 г. (первая редакция балета – Большой театр, Москва, 1927 г., хореография Л. Лащилина и В. Тихомирова). В первом акте исполнялся матросский танец (вариации на тему «Яблочко»), введение которого в балет вызвало немало споров при постановке и в последующем обсуждении.

¹¹⁷ Расхожий анекдот конца 1920-х гг. Ср.: «Игра в карты. Кто во что любит играть: Рыков – в пьяницу, Калинин – в дурака, Сталин – в короля» (Архитова А. С., Мельниченко М. А. Ранние анекдоты о Сталине: Материалы к систематизированному собранию (1925–1940) // Вестник Российского государственного гуманитарного университета. М.: РГГУ, 2009. №9 / 09. Серия «Литературоведение. Фольклористика».

С. 313). См. также: *Архипова А. С., Мельниченко М. А.* Анекдоты о Сталине: Тексты, комментарии, исследования. М., 2011. С. 209, 210. В рукописи строки: «...Калинин в дурак<ах>», Рыков в меный, а Сталин в Корол<я>» дважды очеркнуты на полях следователем.

¹¹⁸ *Таня* – Татьяна Александровна Пострелова (19 сент. 1931, Ленинград–23 марта 2010, Санкт-Петербург), дочь Эрики Эдельман и А. А. Пострелова. После ареста матери воспитывалась в семье отца, А. А. Пострелова, затем бабушкой, М. А. Малых. Китаевед, искусствовед. В 1954 г. окончила отделение истории Китая восточного фак. ЛГУ, в 1965 – фак. теории и истории искусства Академии художеств по кафедре истории зарубежного искусства. См. о ней: Некролог Т. А. Постреловой // Искусство непокоренного Ленинграда в годы блокады: Сб. статей. СПб., 2015. С. 5–16; Список научных работ Т. А. Постреловой // Там же. С. 20–29; *Дневник 1929*.

¹¹⁹ Эти строки подчеркнуты следователем. В газетах к 7 нояб. 1931 г. были опубликованы следующие лозунги: «В СССР нет кризиса, есть гигантский подъем», «СССР в этом году завершает построение фундамента социалистической экономики», «Советский союз – единственная страна, в которой нет безработицы». В «шапке» стояло обращение: «Рабочие и работницы всех стран! Трудящиеся и угнетенные капиталистического мира!» (Из Обращения Исполнительного комитета Коммунистического интернационала // Правда. 1931. 6 нояб. № 307. С. 2).

¹²⁰ В рукописи: назвал.

¹²¹ На последней странице дневника, отдельная запись.

¹²² Высказывание теоретика позитивизма *Огюста Конта* (Auguste Comte, 1798 – 1857), выражавшее одно из основополагающих понятий позитивной философии: «Les vivants sont toujours, et de plus en plus, gouvernés nécessairement par les morts; telle est la loi fondamentale de l'ordre humain» (Catéchisme Positiviste par Auguste Comte. Edition commémorative du Centenaire de la mort d'Auguste Comte 1857 – 5 septembre – 1957. Rio de Janeiro, 1957. P. 77). Неоднократно приводилось при изложении взглядов Конта. См., например: *Соловьев В. Конт Огюст* // Энцикл. словарь Брокгауза и Ефрона: в 86 т. СПб., 1890–1907. Т. XVI. СПб., 1895. С. 127. М. Малых была увлечена идеями позитивизма, что сказалось на выборе имени для дочери, названной Эрикой в честь немецкого ученого Эрнста Геккеля. В домашнем архиве М. Малых сохранились многочисленные тетради со сделанными ею выписками из разных книг, «мыслями» и афоризмами. Приучала она к этому и своих детей, и внуков. Из письма М. Малых к внучке Тане, дочери Эрики, от 15 дек. 1943 г.: «Дорогая моя Танюсочка, есть разные люди и они собирают разные коллекции: кто собирает марки, кто бабочек, жуков, кто камни, кто засуш<енные> цветы и пр. Я тоже собирала всю свою жизнь коллекцию... чего?.. Умных, красивых человеческих мыслей. Это самая интересная коллекция: цитаты-изречения. Я с детства никогда не могла прочесть ни одной книги, из которой мне не хотелось бы выписать каких-нибудь мыслей: или это было что-то умное, или морально (душевно) прекрасное, возвышенное, или красивое описание природы. И чем умнее, чем талантливее писатель, тем больше выписок я делала. И вот у меня скопилось много много тетрадей, полных таких выписок. Все они остались в Ленинграде – ты представить себе не можешь – как я скучаю о них, как жалею, как боюсь, что они там пропадут! Сколько там, в этих тетрадках, мудрости и красоты» (Домашний архив М. Малых).

¹²³ Цитата из романа Д. Мережковского «Александр Первый». В романе эти слова написаны в дневнике императрицы Елизаветы Алексеевны, который она перечитывает перед отъездом в Таганрог: «Не помню, кто сказал: “в жизни каждого человека наступает время, когда сердце должно окаменеть или разбиться”».

Сердце мое не окаменело и должно разбиться. Бедный глиняный горшок между чугунными!» (*Мережковский Д. Александр Первый*. СПб.; М., 1913. Т. 2. С. 79). Запись карандашом.

Библиографический список

1. *Архипова А. С., Мельниченко М. А.* Анекдоты о Сталине: Тексты, комментарии, исследования. М.: ОГИ, 2011. 398 с.
2. *Архипова А. С., Мельниченко М. А.* Ранние анекдоты о Сталине: Материалы к систематизированному собранию (1925–1940) // Вестник Российского государственного гуманитарного университета. М.: РГГУ, 2009. №9 / 09. Серия «Литературоведение. Фольклористика». С. 271–352.
3. *Валиева Ю. М.* К истории стихотворения И. Бахтерева «Тишайшая из пиес» // Велимир Хлебников в новом тысячелетии. М.: ИМЛИ РАН, 2012. С. 280–305.
4. Искусство непокоренного Ленинграда в годы блокады: Сб. статей. СПб.: Культурно-просветительское товарищество, 2015. Ч. 1. 567 с.
5. Письма М. А. Малых к П. Н. Ариян. Дневник Эрики Эдельман 1929–1931 гг. (Публ., вступ. статья, коммент. Ю. М. Валиевой, пер. Н. Л. Дмитриевой) // Ежегодник Рукописного отдела Пушкинского Дома на 2015 год. СПб.: Дмитрий Буланин, 2016. С. 689–748.
6. *Catéchisme Positiviste par Auguste Comte. Edition commémorative du Centenaire de la mort d'Auguste Comte 1857 – 5 septembre – 1957.* Rio de Janeiro: Temple de l'Humanite, 1957. 553 p.